

MILHIST

INFO

История военного дела: исследования и источники

Специальный выпуск IV

СМОЛЕНСКИЕ ВОЙНЫ XV-XVII вв.

ЧАСТЬ I

Санкт-Петербург

2015

ББК 63.3(0)5 УДК 94

Редакция журнала:

К.В. Нагорный

В.В. Пенской

А.Н. Лобин

Редакционная коллегия:

кандидат исторических наук О.В. Ковтунова

кандидат исторических наук А.Н. Лобин

кандидат исторических наук Д.Н. Меншиков

кандидат исторических наук Е.И. Юркевич

Ph.D. Eman M. Vovsi

История военного дела: исследования и источники. — 2015. — Специальный выпуск. IV. Смоленские войны XV-XVII вв. — Ч. I. [Электронный ресурс] <http://www.milhist.info/spec_4>

© www.milhist.info

© **Гмирнов Н.В.**

MILHIST

INFO

Смирнов Н.В. Очерки военной истории Смутного времени. Осада Смоленска 1613-1616 гг.

Впервые в отечественной историографии предлагается комплексное описание борьбы за Смоленск в последние годы Смутного времени (1613-1616 гг.). На основе российских и зарубежных источников анализируются силы противоборствующих сторон (Российского государства и Речи Посполитой), подробно рассматривается ход боевых действий.

Ссылка для размещения в Интернете:

http://www.milhist.info/2015/12/29/smirnov_02

Ссылка для печатных изданий:

Смирнов Н.В. Очерки военной истории Смутного времени. Осада Смоленска 1613-1616 гг. [Электронный ресурс] // История военного дела: исследования и источники. — 2015. — Специальный выпуск IV. Смоленские войны XV-XVII вв. — Ч. I. — С. 206-260 <http://www.milhist.info/2015/12/29/smirnov_02> (29.12.2015)

www.milhist.info

Н.В. Смирнов

ОЧЕРКИ ВОЕННОЙ ИСТОРИИ
СМУТНОГО ВРЕМЕНИ

ОСАДА
СМОЛЕНСКА
1613–1616 гг.

Освобождение столицы от польско-литовских войск и избрание на царство Михаила Федоровича Романова стало переломным моментом в истории Смутного времени. Однако положение, в котором оказалось новое правительство, оставалось крайне сложным. Русское государство находилось в своеобразном «кольце фронтов».

Западные уезды страны были заняты литовскими войсками и действовавшими с ними заодно бывшими отрядами «тушинского вора». Подступы к столице полностью находились в их руках, на северо-западе они соприкасались с территориями, оккупированными шведами, фактически отрезая от центра Псковскую землю. На юго-западе литовцы и запорожцы контролировали всю Северщину. Отсутствие более-менее организованной обороны давало врагам возможность, которой они неоднократно пользовались, беспрепятственно совершать рейды вглубь территории Русского государства.

Северо-западные районы страны оказались под властью шведов и их сторонников из числа местных служилых людей и казачьих отрядов. К тому же в начале 1613 г. Швеция заключила Кнередский мирный договор с Данией. Согласно его положениям, шведы должны были выплатить значительную контрибуцию (1 млн. риксталеров), что серьёзно сказалось на финансовом положении государства. Тем не менее, заключенный договор, наряду с продлением перемирия с Речью Посполитой, позволял вернуться к активным боевым действиям на востоке. Уже в первой половине 1613 г. происходит значительное усиление шведских войск в России¹.

На юго-востоке возникла угроза очередного возрождения самозванческой интриги, на этот раз под руководством Ивана Заруцкого. Хотя в его распоряжении оставалось немного сподвижников, он действовал в районе, где на протяжении предыдущего десятилетия формировались мощные антиправительственные движения (Григория Отрепьева, Ивана Болотникова, «тушинского вора»). Правительство в Москве не могло не учитывать это при оценке угрозы с этой стороны. К тому же Заруцкий мог опереться на неподконтрольную властям Астрахань.

Развал оборонительной системы на южных рубежах усиливал опасность даже небольших набегов с этого направления. Хотя активность крымских татар резко снизилась (они переориентировали свои усилия на польские земли), продолжались вторжения ногаев, причём «...размах операций татар остается очень значительным».²

Такая ситуация, казалось бы, обрекала русское командование на переход к обороне. Однако в 1613–1614 гг., напротив, в действиях русских вооруженных сил наблюдалась активная наступательная деятельность на всех угрожаемых направлениях.

Первый удар был нанесён по самому слабому противнику. Уже летом 1613 г. Заруцкий и его сторонники были вытеснены из южных уездов и рассеяны. С небольшим отрядом своих сторонников мятежный атаман укрылся в Астрахани, и его окончательное поражение стало лишь вопросом времени. Тем не менее, при всей кажущейся легкости задачи, она потребовала сосредоточения большей части боеспособных отрядов поместной конницы³.

Следующим направлением для наступления было избрано западное. Для принятия такого решения сложились благоприятные предпосылки, связанные с неожиданным и существенным ослаблением вооруженных сил Речи Посполитой, противостоящих русской армии.

К началу 1612 г. на территории Русского государства действовало несколько крупных соединений, состоящих из разного рода хоругвей, число которых могло достигать десятков. Соединения эти, как и хоругви, назывались по имени своих командиров. После победы в Клушинской битве в походе на Москву приняли участие полки польного гетмана коронного С. Жолкевского, рефендария литовского А. Гонсевского, полковников А. Зборовского (бывшие тушинцы), М. Казановского,

Н. Струся и Л. Вейера. К началу 1612 г. почти все хоругви (за исключением полка С. Жолкевского, вернувшегося в Польшу) находились в составе гарнизона Москвы.

Когда в результате действий народных ополчений положение польско-литовских войск осложнилось, в Россию был направлена литовская армия под командованием гетмана великого литовского Яна Кароля Ходкевича (т.н. «Инфлянтская дивизия»), которая освободилась после заключения перемирия со шведами.

Третьей армией были бывшие «сапежинцы» — в основном, литовские хоругви, которые служили Лжедмитрию II под командованием усвятского старосты Яна Петра Сапеги. И при жизни своего вождя, и после его смерти в июне 1611 г. полк лишь номинально подчинялся общему командованию, предпочитая действовать самостоятельно.

Помимо этих соединений в боевых действиях периодически принимали участие отряды посполитого рушения и гарнизонные части из прилегающих к границе поветов Великого княжества Литовского, равно и отряды казаков, как запорожских (подданных Короны), так и русских. В итоге группировка польско-литовских сил достигала на рубеже 1611–1612 гг. максимальных размеров, значительно превышая силы выступивших против них отрядов Первого ополчения.

Но уже в январе ситуация начала меняться кардинальным образом. Уязвимым местом польско-литовской армии был наемный характер основного её состава. Это позволяло привлекать на службу качественный личный состав, но порождало постоянную проблему поиска средств на содержание дорогостоящих хоругвей, особенно в ходе продолжительных военных действий.

Невыплата положенного жалованья создавала угрозу неповиновения войск, выразившегося в объявлении конфедераций. Хотя военным артикулом 1609 г. за организацию конфедерации во время боевых действий полагалось суровое наказание вплоть до смертной казни, на практике эти угрозы помогали мало. Тяжелое положение польско-литовских войск в Москве, голод, отсутствие денег и постоянная опасность, исходящая от враждебно настроенного к оккупантам русского населения, создали благодатную почву для мятежа.

4 (14) января 1612 года польско-литовский гарнизон Москвы в полном составе (43 хоругви, около 5000 человек) объявил конфедерацию⁴.

Отток воинов из войска с этого момента усилился, но большинство покинули столицу после 14 марта, так как ожидали обещанной гетманом Ходкевичем выплаты. Требуемая ими сумма была огромна и составляла 2 836 853 злотых.⁵ Более того, несмотря на уговоры гетмана и угрозы короля, конфедераты во главе с избранным маршалком Ю. Цеклинским, двинулись обратно в Речь Посполитую, расположившись в итоге в районе Львова. В московском гарнизоне их сменил полк Струся, усиленный несколькими хоругвями других полков общей численностью до 3000 человек.

Но это было только началом распада армии. Летом 1612 г. из России ушел полк Сапеги во главе с новым гетманом Я. Заливским. Формально действуя на стороне короля, они также не получали жалованья. Ожидать от привыкших к самостоятельности «сапежинцев» верной службы не приходилось. Войска (до 4700 чел.), создав свою конфедерацию, перешли в Великое княжество Литовское и разместились в районе Бреста. Более того, в конце 1612 г. обе конфедерации заключили союз, который фактически лишил Сигизмунда возможности подавить их силой⁶.

Эти действия привели к тому, что в момент решающих боёв под Москвой против объединённых сил Первого и Второго Ополчений в распоряжении Ходкевича находились только его собственная «дивизия», коронные пехотные подкрепления и отряды казаков⁷. Этими сравнительно небольшими силами гетман не смог одолеть не столь уж многочисленные войска русских ополчений в боях под Москвой 22–24 августа (1–3 сентября) 1612 г. В итоге русскими войсками была окончательно освобождена столица и захвачена инициатива в войне.

Провал московской авантюры и отступление в Литву Инфлянтской дивизии привело к возникновению очередной конфедерации. На этот раз мятеж вспыхнул в Смоленском гарнизоне, большая часть которого покинула крепость под руководством З. Сильницкого. И если поначалу люди размещались близ города, то в мае 1613 г. они также вернулись в Речь Посполитую и, пройдя Литву, расположились в районе Быдгощи⁸.

Содержание трёх армий конфедератов, находившихся в Речи Посполитой, тяжёлым бременем легло на плечи местного населения. Развращённые своим пребыванием в Русском государстве, где им сходились с рук любые преступления, они начали безжалостно терроризировать

население. Жолнеры и раньше не слишком церемонились с населением собственной страны, но грабежи и насилие 1612–1613 годов носили на тот момент беспрецедентный характер⁹. Справиться с ними центральное правительство не имело никакой возможности, тем более что значительная часть польских войск были уже отвлечена на юг.

Летом 1612 г. вновь обострилась обстановка на южных рубежах Речи Посполитой. С согласия короля польские магнаты попытались совершить очередную военную интервенцию в Молдавию, которая была давней ареной противостояния с Османской империей. Итогом интервенции стало поражение польского корпуса во главе с коронным писарем С. Потоцким под Сасовым Рогом. Хотя до возобновления войны с Турцией дело не дошло, юг страны оказался под ударами крымских татар¹⁰.

В итоге против возможного наступления русских войск Речь Посполитая могла выставить на занятых рубежах лишь малочисленные гарнизоны крепостей, ослабленную отпусками дивизию Ходкевича и малонадежное ополчение приграничных поветов.

Русское правительство было осведомлено о положении дел в стане противника. Так, возвращавшийся от короля русский посланник Д. Оладьин, в июле сообщил, что во время пребывания в Смоленске *«...в те поры было ратных людей добре мало... а которые ратные люди с хоруговми были в Смоленску и те, перед Денисьевым приездом пошли в Вильну для заслуженных своих грошей»*. Оладьин также донес сведения о продолжении конфедераций и о недовольстве ими населения, при этом русский посланник получил информацию, что в Речи Посполитой идёт активный сбор средств для выплаты жалования конфедератам. Более того, по мнению посланника, в случае получения денег мятежные войска могут вновь обратиться против Русского государства.

Он же принес известие о поражении поляков под Сасовым Рогом и возможной войне Польши с Турцией *«...по ся место король с Турским не в миру. Турские люди многие стоят в Волоской земле и на границе, а гетман Желковской с полскими и литовскими людьми стоят против их на границе же. А чего меж Жигимонтом королем и Турским вперед чаят — миру ль или войны и про то не ведомо»*¹¹. Подобные известия, возможно, повлияли на решение использовать шанс и нанести удар именно на западном направлении.

Но помимо ослабленных польско-литовских сил на западе у Русского государства оставался ещё один грозный враг — шведы. Ситуация со шведами во многом была схожей. Противник удерживал стратегически важный пункт — Новгород, но также располагал на театре военных действий сравнительно небольшими силами. Первоначально северо-западное направление не являлось приоритетным для предстоящих операций, однако после неожиданной победы над шведами под Тихвином появилась надежда, что и здесь можно рассчитывать на стратегический успех.

В итоге в разгар похода на Смоленск было принято решение направить значительные резервы против шведов с целью освободить от них Новгород. Возможно, на это шаг правительство толкнул будущий первый воевода — Д. Т. Трубецкой. Лидер Первого ополчения и участник борьбы за русский престол теперь стремился на поле боя продемонстрировать полководческие таланты, получив самостоятельное командование. Уже после начала осады Смоленска было объявлено о сборе в Торжке новой армии против шведов. Это решение, возможно, сыграло решающую роль в неудаче кампании 1614 г.

Обзор состояния сил противоборствующих сторон

Состояние русской армии к 1613 г. оставляло желать лучшего. Боеспособность двух её основных элементов — поместной конницы и стрелецкого войска — существенно снизилась. Поместная конница переживала серьёзный кризис. Тяжелый удар по ней был нанесён ещё в годы длительных войн эпохи Ивана Грозного и сельскохозяйственного кризиса конца века. Небольшой период восстановления в конце XVI столетия был вновь прерван голодом 1600–1603 гг. и Смутным временем.

Массовое разорение поместных и вотчинных хозяйств городских дворян и детей боярских привело к тому, что подавляющее большинство из них уже было не способно выходить на службу согласно известной формуле: «Конно, людно, оружно и dospешно». К сожалению, пик разорения был ещё не пройден, впереди были массовые грабежи русских земель «вольными казаками», печально знаменитый рейд Лисовского, поход королевича Владислава на Москву и вторжение запорожских казаков Сагайдачного. Но упадок поместного дворянства уже ощущался в полной мере.

Прежде всего, русская конница переживала существенную нехватку конского состава. Потери было всё труднее восполнить как из-за отсутствия средств, так и из-за сокращения поступления новых лошадей из Ногайской орды, отношения с которой были к этому времени враждебными. Поэтому городовым дворянам не всегда удавалось обеспечить даже себя самих, не говоря уже о запасных («простых») конях или лошадях своих вооруженных слуг. Качество конского состава также неуклонно снижалось.

Конь был основным элементом снаряжения всадника поместной конницы, на котором экономить было невозможно, поэтому «под сокращение расходов» попали в первую очередь «боевые холопы» — вооруженные слуги, сопровождавшие дворян и детей боярских в походах. Их число катастрофически сократилось по сравнению с серединой XVI столетия. Подавляющее большинство слуг относилось к категории «кошевых» или обозных. Полноценного воина, способного участвовать в бою, мог выставить в поход лишь один из десяти служилых людей «по отечеству»¹².

Вооружение поместной конницы состояло, как правило, из сабли и саадака. В ряде уездов Замосковского края и Северо-Запада России активно шёл процесс перехода основной части служилых людей на огнестрельное оружие. В годы Смуты почти исчезают из употребления копьё, техника копейного боя становится уделом избранных воинов и применяется эпизодически, в основном для конных поединков, а не для массового боя¹³. Характерным показателем снижения боеготовности поместной конницы становится почти полное исчезновение из комплектов снаряжения металлических доспехов¹⁴.

Тем не менее, находившиеся на службе дворяне и дети боярские прошли хорошую школу почти непрерывных боевых действий в годы Смуты. При грамотном командовании, даже с учетом низкого материального обеспечения службы, они могли успешно бороться с противником, особенно в рамках «малой» войны.

В гораздо худшем состоянии находилось стрелецкое войско. Накануне Смутного времени стрельцы составляли основную часть русской пехоты. Среди них особенно выделялись стойкостью и боеспособностью московские стрельцы, которых в начале XVII века было не менее 10 приказов (в среднем по 500 человек). После оккупации

Москвы польско-литовским гарнизоном большая часть стрельцов была разослана по городам, а приказы фактически распущены. В итоге московское стрелецкое войско пришлось комплектовать фактически заново. Процесс этот начался уже январе 1613 г., когда стрелецкие части стали возвращать в столицу, а также «прибирать» новых воинов. К 1614 г. на полях сражений и в Москве находилось уже семь приказов. Но для восстановления былой численности и боеготовности требовалось время¹⁵.

Обученная и хорошо снаряженная стрелецкая пехота играла важную роль в полевых сражениях, придавая устойчивость боевым порядкам в обороне против атак конницы противника. Ещё более значимым было их применение во время осадных работ или, напротив, защите укреплений. Помимо московских стрельцов, в состав гарнизонов большинства крепостей входили стрельцы городовые, однако, их роль в военных походах была существенно ниже.

Обязательным элементом вооружения стрельцов была фитильная пицаль. Хорошо узнаваемый облик стрельца сформировался благодаря наличию у большинства из них необычного для того времени вида холодного оружия — бердыша, а также цветного служилого платья — первого в истории вооруженных сил России образца военной униформы.

Сокращение численности основных составляющих вооруженных сил вынуждало правительство искать им замену. Именно с этим связано столь массовое использование в боевых действиях казаков. До Смуты в русском войске они были представлены сравнительно небольшими отрядами донских казаков в качестве вспомогательной конницы. Помимо них часть гарнизонов комплектовалась городовыми казаками, чья служба была сходной со стрелецкой.

Смутное время породило фактически новый слой русского общества — вольное казачество. Внешне оно повторяло организацию и нормы поведения своих предшественников — донских казаков, однако социальная база нового «поколения» казаков была гораздо шире. Казачьи станицы состояли из бывших боевых холопов, крепостных крестьян, мещан и даже служилых людей¹⁶.

По мере развития Смуты численность и роль казаков в различных событиях постоянно возрастали. Они стали основой для большинства

антиправительственных движений, поддерживая Отрепьева, Болотникова или «тушинского вора». С другой стороны, казаки активно боролись с иностранной интервенцией, а в составе Первого ополчения занимали ведущее положение.

Казачьи станицы не могли в полной мере заменить служилых людей «по отечеству». Сказывался недостаток опыта военной службы большинства новых казаков. Они плохо подчинялись царским воеводам, предпочитая поступать либо по инициативе своих атаманов, либо по решению войскового круга. Принятая среди казаков система обеспечения своей службы за счёт кормления с определённой территории (т.н. «приставств») наносила большой урон местному населению.

К положительным сторонам казачьих станиц, с точки зрения боеспособности, следует отнести высокую мобильность, упорство и стойкость в обороне укреплённых позиций (крепостей, острожков), умение вести разведывательные действия. Немаловажным качеством казаков было неприятие основной их массой идеи иностранного правления, что делало их последовательными противниками польско-литовских войск.

При описании противостоявшей русским войскам армии следует учитывать, что Речь Посполитая представляла собой пока ещё непрочное объединение двух государств, каждое из которых имело свои вооруженные силы и свою собственную систему материального обеспечения. В силу традиции и географического положения борьбу с Россией в большей степени вела слабейшая из двух армий — армия Великого княжества Литовского. Смоленская кампания 1613–1617 гг. не стала исключением. Тем не менее, русскому командованию постоянно приходилось считаться с угрозой появления на фронте мощной поддержки со стороны польской Короны.

Вооруженные силы Речи Посполитой в начале XVII столетия находились на этапе завершения структурных перемен, выразившихся в усилении роли наёмной армии по сравнению с соединениями традиционного комплектования — посполитым рушением. Наёмные части и раньше играли большую роль в вооруженных конфликтах, зачастую определяя успех отдельных сражений. Так, решающий вклад в победу объединённой польско-литовской армии в битве под Оршей внесли именно польские наёмные хоругви¹⁷. В литовской же армии до кон-

ца XVI столетия доля наёмных войск была существенно ниже, чем в польской¹⁸.

Серьёзные изменения произошли во времена правления Стефана Батория, который сделал ставку на существенное увеличение контингента наёмных войск как в Польше, так и в Великом княжестве Литовском. К началу XVII столетия для зарубежных походов стали использовать в основном их. Свободный наём на службу позволял командирам хоругвей (ротмистрам) при формировании своих подразделений предъявлять высокие требования к опыту, вооружению и снаряжению.

Значительно бóльшая численность шляхетского сословия, по сравнению с Русским государством, давала широкую базу для отбора наиболее подготовленных и хорошо экипированных воинов. К тому же система наёмных хоругвей позволяла быстро восполнить потери в период кампании. Обратной стороной медали была высокая стоимость наёмных войск. Содержание более-менее крупных армий в несколько тысяч человек было нелегким трудом даже для богатого Польского королевства, для казны же Великого княжества Литовского это являлось почти непосильной задачей. Задержки с выплатой жалованья угрожали уходом целых хоругвей или выходом их из подчинения командованию путем создания войсковых конфедераций.

Конница Речи Посполитой подразделялась на пять основных видов в зависимости от типов снаряжения. Наиболее боеспособными были гусарские хоругви, служба в которых к тому же считалась очень почётной. Комплект вооружения и снаряжения хорошо обеспеченного гусара включал, помимо хороших коней, полный металлический доспех, палаш или меч и длинное копьё. Это позволяло гусарам производить в бою практически неотразимые фронтальные атаки как против конницы, так и против пехоты. Наличие гусар предоставляло огромные преимущества для поляков и литовцев в полевом бою.

Вторыми по распространенности были козацкие хоругви, которые, несмотря на название, также комплектовались представителями высшего сословия. Так как служить в них шли менее обеспеченные шляхтичи, то по снаряжению и вооружению козацкие хоругви не очень отличались от сотен русской помещной конницы. Всадники почти не имели защитного снаряжения, вооружение в основном состояло из сабли и саадака.

Кроме гусарских и козацких хоругвей в состав литовской кницы входили татарские и пятигорские хоругви. Пятигорцы первоначально должны были иметь защитное снаряжение в виде кольчуги и шлема с бармицей, однако трудно сказать, насколько соблюдалось это требование в начале XVII века. Что касается татарских хоругвей, то они отличались от козацких лишь системой комплектования. В них попадали татары, имевшие земельные владения в Литве и Польше и получившие шляхетские права.

В состав армии Речи Посполитой также входили рейтарские роты. Основой вооружения рейтар было не холодное, а огнестрельное оружие — пистолеты. Этот вид кавалерии, который постепенно вытеснял в Европе классическую конницу, не приветствовался шляхтой, поэтому комплектовался в основном из немцев, как с подконтрольных Речи Посполитой ливонских территорий, так и из прочих немецких государств.

Маневренные бои на обширной территории Русского государства требовали увеличения доли легкой конницы. Этому способствовал и большой опыт участия польско-литовских добровольцев-авантюристов в событиях Смуты. В результате в составе армии Речи Посполитой появились отдельные части подобных «добровольцев», наиболее известными из которых были отряды под командованием полковника Александра Лисовского. Помимо него в приграничных районах активно действовали разношерстные соединения (в основном, из числа бывших тушинцев), иногда лишь номинально признававшие литовское командование. По характеру вооружения и тактике действий эти отряды были ближе к традиционным козацким хоругвям, под этим названием некоторые из них позднее вливались в состав регулярной армии.

Союзниками Речи Посполитой были и запорожские казаки. Запорожцы были участниками всех крупных антиправительственных движений периода Смуты, видя в них возможность хорошо заработать на грабеже русских земель. В большей степени это были самовольные акции отдельных запорожских атаманов. Их масштабное вторжение состоялось только в 1618 г. В период борьбы за Смоленск запорожцы, скорее, были вынужденными союзниками, что не мешало многим из них искать «лучшей доли» под знаменами шведского короля в 1613–1614 гг.

Пехота Речи Посполитой, напротив, была слабой. Шляхетская военная повинность даже не предполагала пешей службы. Хотя жолнеры наёмных хоругвей уже не так противились спешиванию, как раньше, всё же эти случаи были исключением из правил. При этом, в отличие от Русского государства, в Речи Посполитой так и не удалось создать постоянного пешего войска. В итоге пехота также комплектовалась на основе свободного найма, что сильно ограничивало её численность. Частично это компенсировалось тем, что государство имело возможность комплектовать наёмные роты хорошо подготовленными пехотинцами европейских государств. Лучшей пехотой в составе армии Речи Посполитой были немецкие и венгерские роты. Польские пехотные хоругви заметно уступали им в боеспособности, число же литовских пехотинцев было совершенно ничтожным.

Все это очень осложняло ведение боевых действий против русской армии. Столкнувшись с подавляющим превосходством польско-литовской конницы, русская армия со времени М.В. Скопина-Шуйского активно использовала нидерландский опыт ведения военных действий и постоянно опиралась на полевые укрепления, взять которые без хорошо обученной пехоты было затруднительно¹⁹. Ещё более сложной задача становилась при осаде полноценных крепостей. Именно недостаток пехоты во многом определил ряд неудачных военных акций поляков и литовцев на завершающем этапе Смуты (например, бои под Можайском и штурм Москвы в 1618 г.).

Завершая краткий обзор вооруженных сил Речи Посполитой, следует отметить, что в её составе было значительно больше боевых слуг (пахолков), чем у русских дворян и детей боярских. Их боевая ценность в полевых боях была намного ниже, чем у шляхты, тем не менее, они играли свою роль, активно привлекаясь к разведке, снабжению и охранной службе. Они также несли на себе тяжесть осадных работ, в какой-то мере компенсируя острую нехватку полноценной пехоты.

Качественный состав и характер вооружения противостоящих сил во многом предопределил ход боевых действий в описываемой кампании. Легкая конница русского государства старалась избегать классических полевых сражений, предпочитая им внезапные атаки и рейды. Устойчивость пехоты в бою определялась силой защитных сооружений, как полевых, так и стационарных. Хорошо осознавая своё

преимущество, польско-литовская конница, напротив, всячески стремилась навязать открытый бой и активно применяла маневр крупными силами.

Из-за нехватки хорошо подготовленной пехоты, за все время осады противнику не удалось силой захватить ни одного осадного острожка, хотя удаленность некоторых ставила их в очень уязвимое положение. В результате оборонительная тактика русской армии позволяла удерживать блокаду длительное время.

Численность русской и литовской армий в начале борьбы за Смоленск

Поскольку бо́льшая часть вооруженных соединений объявила конфедерацию, а сил для решающей победы не доставало, на вальном сейме, проходившем весной 1613 г., было принято решение начать переговоры на условиях удержания за Речью Посполитой захваченных Смоленских и Северских земель. Более того, на период проведения переговоров королю запрещалось объявлять набор нового войска вместо конфедератов. Этим же сеймом было принято решение официально включить Смоленщину в состав Великого княжества Литовского, что возлагало на Литву бремя расходов на продолжение борьбы на востоке²⁰. Великий гетман литовский Ян Кароль Ходкевич был последовательным сторонником продолжения активных наступательных действий. С одной стороны, он стремился взять реванш за поражение от войск Второго ополчения под Москвой в августе 1612 г. и пленение польско-литовского гарнизона. С другой стороны, как опытный военачальник он понимал, что добиться приемлемых условий перемирия можно только на основе успехов на фронте.

Силы гарнизонов русских крепостей, занятых польско-литовскими войсками, были немногочисленны. Крупные гарнизоны были сосредоточены только в Вязьме, Белой и Смоленске.

В ближайшей к русским позициям Вязьме располагалась две козацкие хоругви (200 чел.), рота немецкой пехоты П. Лермонта (48 чел.) и некоторое количество новых наёмников, набранных за счет доходов с оккупированных территорий Северщины. В марте 1613 г. в Вязьму из Дорогобужа были направлены две хоругви: пятигорская С. Богушевского (100 коней) и козацкая В. Барановского²¹. Общее руководство

осуществлял Павел Руцкой. По сведениям, которые привёз в Москву посланник Д. Оладын, в гарнизоне Вязьмы «...ратных людей всего 4 роты, 3 роты копейщиков, а всего в них 140 человек, да в казацкой 50 человек, а гайдуков в городе всего 60 человек, а пушек в городе нет ни одной». Он же сообщил, что в районе Дорогобужа расположились 700 запорожских казаков Наливайко²². Первоначально Ходкевич намеревался обороняться именно в Вязьме, прикрывая русским войскам прямой путь к Смоленску²³.

Крепость Белая, отданная вместе с окрестным уездом во владение Александру Гонсевскому, была занята гарнизоном под командованием Мацея Янковского. В состав гарнизона входили немецкая рота Г. Лермонта, несколько хоругвей конницы, нанятой за счёт самого литовского рефендаря и отряды запорожцев полковников М. Хвостовца и Барышпольца. Помимо Белой эти соединения занимали также Велиж и Усвят. Гонсевский, имея под своим командованием сравнительно крупные силы, вёл себя достаточно активно: в марте 1613 г. он в течение месяца осаждал Торопец и пытался внезапной атакой захватить Осташков²⁴.

По-видимому, сил на оборону Дорогобужа просто не хватило, хотя крепость была вполне готовой к сопротивлению. По воспоминаниям поляков, город имел два замка: «Один на возвышении, а другой на равнине, снабженные весьма достаточно пушками, порохом и ядрами»²⁵.

Руководить обороной Смоленска Сигизмунд III поначалу назначил воеводу брацлавского Якуба Потоцкого, но тот, вскоре после объявления конфедерации большей частью смоленского гарнизона, скончался (16 (26) января 1613 г.)²⁶. После ухода из крепости новых конфедератов и немецкой пехоты, наёмный гарнизон Смоленска некоторое время состоял только из 150 пехотинцев под командование Ежи Щуцкого. В преддверии ожидаемого похода русской армии это фактически обрекло город на быструю капитуляцию. Возможно, понимая это, в крепость отказался ехать новый смоленский воевода М. Глебович.

Ходкевич, в свою очередь, принял меры для усиления гарнизона. Были выделены средства и направлены присяжные листы для найма новых сил²⁷. В крепость были высланы небольшие отряды (например, гусарская хоругвь М. Глебовича). Гетман был вынужден отказаться от планов обороны на дальних подступах и приказал отойти в Смоленск гарнизону Вязьмы. В итоге, к началу осады в гарнизоне

крепости находилась гусарская хоругвь Глебовича, пятигорская Богушевского, татарская Килимовича, козацкие Барановского и Вишля и пять пехотных рот (Я. Креницкого, П. Лермонта, Я. Запорского, С. Мутыкальского, М. Волка)²⁸.

Из прочих русских крепостей лишь две имели свои гарнизоны: в Заволочье находилась основная база «лисовчиков», а в Невеле располагался русский гарнизон под командованием Григория Валуева, который пока сохранял верность королевицу Владиславу. Впрочем, к началу осады Смоленска обе крепости были уже в руках русских войск. Заволочье было захвачено внезапной атакой в июле 1613 г., когда «лисовчики» отправились в очередной грабительский рейд²⁹. Невельский же воевода перешёл на сторону русских войск после взятия Белой.

Наиболее боеспособным соединением на восточном направлении были Инфлянтская дивизия под непосредственным командованием Яна Кароля Ходкевича, которая к началу 1613 г. насчитывала примерно 2000 человек. Она была размещена на королевских землях вдоль восточной границы Великого княжества Литовского от Полоцка до Гомеля, в ожидании выплаты жалования³⁰.

Если в захваченных уездах русского государства были размещены в основном наёмные части, то основу гарнизонов приграничных поветов Великого княжества Литовского составляла местная шляхта и отряды запорожских казаков. Численность их колебалась в зависимости от изменения военной ситуации. Именно эти отряды вели активную приграничную войну, атакуя западные уезды России и отражая вторжения на литовскую территорию.

Благодаря сохранившимся разрядным книгам, численность (по крайней мере, списочная) русской армии в начале похода на Смоленск нам известна. Правительство приложило огромные организационные усилия, чтобы собрать со всей страны полноценную армию. На начало сентября (после взятия Белой) списочно она составляла более 12 тысяч человек. Командование было поручено стольнику князю Д. М. Черкасскому. Выбор главного воеводы был довольно неожиданным, так как Черкасский долгое время был активным сторонником «тушинского вора». С другой стороны, в 1611–1612 гг. воевода проявил себя в боях Второго ополчения, являясь надежным сподвижником Д. М. Пожарского.

**Состав и численность Инфлянтской дивизии Я.К. Ходкевича
в начале 1613 г.³¹**

<i>тип хоругви</i>	<i>ротмисты</i>	<i>коней</i>
Гусарские	Я.К. Ходкевич (J. K. Chodkiewicz)	200
	Т. Домбровы (T. Dabrowy)	153
	А.В. Радзивилл (RadziwillA.W.)	112
	М. Глебович (M. Hlebowicz)	93
	С. Воллович (S. Wollowicz)	63
	Я. Кишка (J. Kiszka)	85
Рейтарские	В. Плетенберг (W. Platemberg)	71
	М. Корф (M. Korff)	61
Пятигорские	А. Зборовский (A. Zborowski)	150
	Ф. Руцкий (F. Rudzski)	200
Козацкие (татарские)	Царевич (Czarowicza)	100
	Околович (Okolowicz)	100
	Богдан (Bohdan)	100
	Ф. Руцкий (F. Rudzski)	60
Прочие	Тупальский (2 хоругви)	?
	Корсак	?

**Состав и численность русской армии Д.М. Черкасского,
направленной к Смоленску (на начало сентября 1613 г.)³²**

<i>категория</i>	<i>кол-во</i>	<i>примечание</i>
Московские чины	136	
Татарские царевичи и мурзы	22	
Городовые дворяне	2636	25 служилых городов
- смоленской земли	492	
- замосковных городов	841	
- украинских городов	957	
- прочие	346	
Иноземцы	40	Бельские немцы
Татары и новокрещены	1414	
- юртовские	68	
- московских городов	126	
- касимовские	208	

- Сеитова полку	315	
- темниковские	382	
- кадомские	228	
- цненские	87	
Казаки	6890	
- с Москвы	2440	
- от Заруцкого	2250	
- из Боровска	403	3 станицы
- из Можайска	544	6 станиц
- из Белева	303	3 станицы
- из Калуги	374	4 станицы
- из Волока	574	4 станицы
Стрельцы	1113	с командирами
- приказ Д. Пузикова	506	
- приказ К. Чернышова	506	
- стрельцы астраханские	101	
ВСЕГО	12251	

Как уже отмечалось выше, одной из черт русской армии под Смоленском в указанный период являлась необычно низкая доля дворян и детей боярских. В полках Черкасского они составляли лишь 30% конницы и чуть более 20% от общей численности войска. Для сравнения: в составе наиболее крупной группировки периода Смуты — армии Ф. И. Мстиславского, посланной против Лжедмитрия II в 1604 г., это соотношение составляло 60% и 50% соответственно³³. При этом в росписи похода для освобождения Новгорода армией Д. Т. Трубецкого дворяне и дети боярские, напротив, составляли большинство — почти 65%³⁴.

Следует учитывать, что разрядные книги включают в себя именно списочную численность, то есть тех служилых людей, которые должны выступить в поход. Реальное их число могло существенно отличаться от приведённых выше цифр. Сам командующий докладывал в Москву, что «...дворяня и дети боярския украинных городов на государеву службу под Смоленск не бывали многие, иные ис-под Смоленска сбежали»³⁵.

Дискуссионным остаётся и вопрос методики расчета списочной численности поместной конницы. Большинство современных

исследователей сходятся во мнении, что в число служилых людей «по отечеству» в разрядных книгах входили и боевые холопы, которых приводили с собой дворяне и дети боярские. Имеющиеся в нашем распоряжении документы не позволяют сделать столь однозначных выводов.

Численность казаков в смоленском походе была рекордной за весь период Смуты: всего в армии находилось не менее 44 казачьих станиц³⁶. По-видимому, явка казаков была ещё ниже, чем у дворян и детей боярских. По смотру 25 декабря в армии насчитывалось всего 2687 человек, сведённых примерно в 31 станицу. Месяцем раньше в Разряд была возвращена огромная сумма не розданного казакам жалования — 4652 рубля («остались за роздачею»)³⁷.

Армия Черкасского практически не имела артиллерии. Отправка осадной артиллерии для взятия самой мощной крепости Русского государства не была предусмотрена, что, на первый взгляд, может показаться странным. Однако у отказа от её применения были вполне объективные предпосылки.

Содержание артиллерии являлось затратным мероприятием, и ослабленное Смутой Русское государство не могло себе позволить поддерживать её. Серьёзно сократилось число крупных орудий. Тем не менее, в кремлевском арсенале находилось немало орудий, которые могли быть использованы при осаде. Но состояние артиллерии с точки зрения материального обеспечения ее необходимыми припасами в начале 1613 г. было плачевным. Правительству даже приходилось собирать припасы в других городах и присылать в Москву. Так, из Переяславля-Рязанского должны были прислать «...450 аршин холсту посконного, 250 пятков льну и поскони, 15 пуд смолы черные»³⁸.

Осадная артиллерия, помимо большого числа припасов, требовала огромных материальных и людских ресурсов для транспортировки. Так, для транспортировки осадного парка русской армии в походе Ивана IV в Ливонию в 1577–1578 гг. потребовалось привлечь более 12 тысяч конных и пеших посошных людей³⁹. Собрать такое число посохи в обзюдевших уездах России было в 1613 г. невозможно. То же относится и к лошадям и подводам.

Наконец, необходимо учитывать и военную обстановку. Громоздкий и медленный осадный парк представлял собой уязвимую цель для атак противника. Поэтому его передвижения были возможны только

в безопасной местности с минимальной угрозой нападения. Как показал дальнейший ход событий, русской армии так и не удалось обеспечить эффективную защиту своих коммуникаций. В итоге, даже в случае решения проблем с материальным обеспечением, применение тяжелой артиллерии было бы затруднено и сопряжено с большим риском.

Некоторое количество артиллерии в армии Черкасского всё же присутствовало. В апреле 1615 г. пушкарям, *«...которые были под Новым городом и под Смоленском, на жалованье, и за хлеб и за соль»*, Пушкарским приказом было выплачено 159 рублей. А в августе под Смоленск было выслано ещё 83 рубля.⁴⁰ Столь небольшие суммы позволяют предположить, что число пушкарей в армии не превышало 20 человек.

В целом русская армия насчитывала от 6 до 10 тысяч человек, представляя для своего времени довольно грозную силу. Это не мешало обеим сторонам по традиции завышать её численность. Так, гонец И.Ф.Непоставов, находившийся в Орше в октябре 1613 г., сообщал литовцам: *«А с государевыми стольники и воеводы со князем Дмитрием Мамстрюковичем Черкасским да князем Иваном Федоровичем Трокуровым ратных людей дворян и детей боярских, и татар, и атаманов и казаков тысяч с сорок»*⁴¹.

Взятие Белой и начало осады Смоленска

Выступление русской армии было ускорено известиями об активизации литовских войск в пограничье. Учитывая тяжелое положение наёмной армии, в набегах на западные русские уезды, скорее всего, принимали участие отряды местной шляхты и запорожских казаков. В конце июля 1613 г. белевский воевода С.Н. Гагарин писал в столицу о захвате противником Серпейска, Мещовска, Козельска, Лихвина, Болхова и Перемышля, а также о попытке штурма самого Белева, в ходе которого *«...они, князь Семен с дворяны и з детьми боярскими и со всякими людьми, и черкасы билися и черкас побили многих и отсиделися в городе»*⁴². О том же докладывал в Москву калужский воевода окольничий А. Измайлов, что *«...вперед черкас чаяти в осаду, и государь бы их пожаловал, велел к ним прислать людей на помощь»*. Можайский воевода Н. Нащокин также сообщал, что из опроса пленных и перебежчиков *«...литовские всякие люди хотят приходить к Можайску и бес прибыльных людей в Можайску быти немочно»*⁴³.

Так как основное давление литовцев осуществлялось с юго-запада, то армия Трубецкого первоначально была направлена в Калугу. Возможно, правительство стремилось подстраховаться на случай возникновения нового антиправительственного движения в этом регионе. В период Смуты на юго-западных окраинах зарождались все крупные военные угрозы. Отсюда начал путь к Москве первый Самозванец, здесь формировалась армия Болотникова и «тушинского вора».

На этот раз интервентам не удалось привлечь на свою сторону население захваченных областей. При виде русского войска противник поспешил удалиться, и направление движения армии Д.М. Черкасского было изменено: *«Как воеводы... пришли под Калугу, а черкасы и литовские люди, которые стояли в серпейских и литовских местех, послыша на себя приход государевых людей и с тех мест пошли к Вязьме и Дорогобужу»*⁴⁴. Важным событием стало бегство литовцев из Путивля — ключевой крепости на юго-западном рубеже⁴⁵.

Последний смотр войска перед кампанией был проведён в Боровске 22 июня (1 июля) 1613 г. 7 (17) июля русские войска без боя заняли Вязьму, а затем и Дорогобуж. Как уже было сказано выше, гарнизоны этих крепостей по приказу Ходкевича перешли в Смоленск. После ухода литовских гарнизонов жители сами отворяли ворота перед русской армией: *«Поидоша в Вязьму, а вязьмичи уже царю крест целовали... Потомуж и Дорогобуж крест государю целовали»*⁴⁶.

Значительно бóльшим успехом было взятие Белой, которая представляла важный форпост на литовском рубеже. Контролируя крепость, польско-литовские отряды угрожали бы коммуникациям осадной армии и затрудняли бы взаимодействие с северо-западными районами.

Подошедший к Белой русский авангард был атакован гарнизоном, состоящим из литовцев и наемников. Во время боя был тяжело ранен М.М. Бутурлин: *«Стольника и воеводу Михаила Матвеева сына Бутурлина под Белой ранили из пушки, кость из головы вырвало, не много от тое раны не умер»*⁴⁷. К счастью, несмотря на тяжелое ранение, воевода выжил и через полтора года вернулся в строй, возглавив в конце 1616 г. осадную армию под Смоленском. За свою службу «и за рану» Бутурлин получил *«...кубок с покрышкою, золочен, весу в нем три гривенки, шуба бархат венецицкой, розные шолки, золотой*

на соболях, пуговицы серебряны, позолочены, цена 95 рублей 5 алтын 4 деньги».⁴⁸

Первые недели осады гарнизон упорно отражал попытки приступов. Согласно польским свидетельствам, в одной из стычек ему удалось даже захватить четыре русских знамени⁴⁹. Перспектива трудной осады, вид большой русской армии и требования жителей заставили немецкий отряд Г. Лермонта сдать город. Причем сделали они это вопреки активному сопротивлению литовского гарнизона: *«Немцы, видя над собою от государевых людей тесноту, государю добили челом и Белую здали. А литовских людей побили и Белую очистили совсем»*⁵⁰. Литовский отряд с воеводой Янковским попал в плен. Переход на русскую службу целого отряда наемников, пусть и небольшой численности, был большим пропагандистским успехом нового русского правительства. В составе этого отряда находились, в основном, выходцы с британских островов — англичане, шотландцы, ирландцы. Помимо щедрой награды, они сохранили свою прежнюю организацию и командиров. Интересно, что соединение *«бельских немцев»* существовало вплоть до Смоленской войны. Известие об этой победе достигло столицы 13 сентября 1613 г., а послужные списки были доставлены 10 октября⁵¹. Воеводами в крепости были назначены Матвей Плещеев и Григорий Загрязской.

После этих успехов русская армия подошла к главной цели своего похода — Смоленску: *«Стольнику Дмитрию Мамстрюковичу Черкасскому и князю Ивану Троекурову со всеми ратными людьми велел государь идти под Смоленск, и они по государеву указу под Смоленск пошли и кн. В Смоленске литовских людей осадили»*⁵².

Построенная накануне Смутного времени смоленская крепость являлась одним из самых мощных фортификационных сооружений Восточной Европы. Протяженная стена с 38 башнями была серьезно разрушена во время осады 1609–11 гг., но поляки активно занимались ее восстановлением. На месте самого большого пролома, в районе бывшей Грановитой башни, позднее было возведено земляное укрепление бастионного типа. На гравюре Гондиуса, изображающей осаду и штурм Смоленска 1632–34 гг., это укрепление представляет собой пятибастионную *«Королевскую крепость»*. Маловероятно, что к 1613 г. немногочисленному польско-литовскому гарнизону удалось

построить такое значительное сооружение, но и обойтись без укрепления этого опасного участка обороны они, безусловно, не могли. Скорее всего, был обновлен земляной вал, возведённый ещё русскими «сидельцами» во время обороны. Ситуацию осложняло то, что значительная часть артиллерии и припасов была вывезена в Оршу⁵³.

Русские воеводы большие надежды возлагали на сдачу города, как это было с Белой. У такого исхода были предпосылки: в составе гарнизона Смоленска находилось большое количество наемников, не имевших особого желания терпеть лишения осады, к тому же, можно было рассчитывать на поддержку русского населения города. О том, что ставка делалась на капитуляцию, а не штурм крепости говорят и действия русского войска. За все время осады не было предпринято ни одной попытки штурма или подкопа, под Смоленск вообще не посылалась мощная и многочисленная русская осадная артиллерия. Действия осадного войска ограничились постройкой укрепленных острожков и возведением засек на всех дорогах, ведущих в Литву: «Воевода кн. Дмитрий Черкасской... повеле по литовскому рубежу поставити острожки и дороги засеци»⁵⁴. Периодические происходили небольшие стычки с частями гарнизона, совершавшими вылазки. Есть упоминания о таком бое 17 (27) ноября 1613 г.⁵⁵

Основная часть армии расположилась на Духовской горе, отдельный отряд под командованием Савелия Языкова встал на Печерской горе. Расположение его было не очень удачным, так как до него долетали ядра с городских башен⁵⁶. На запад 17 (27) декабря был выдвинут небольшой отряд Михаила Румянцева, который закрепился в Максимовском острожке (в одноименном стане Смоленского уезда), занятом незадолго до этого казачьей станицей Ивана Полкова. Помимо этого, есть сведения о постройках Катынского, Измайловского и Перенкарского острожков⁵⁷.

Воеводы Черкасский и Троекуров поставили Румянцеву задачу: опираясь на острожек, «...над польскими и над литовскими людьми поиск учинити и всяких вестей проведывати, и лазутчиков посылати и на рубеж в лесах и по стежкам велети засеци засеки и крепи поделати... и в литовские города лазутчиков посылати для всяких вестей, и о всем промышляти, смотря по тамошнему делу»⁵⁸. В конце ноября — начале декабря 1613 г. удалось разбить небольшой отряд

польско-литовских войск (возможно, это были хоругви Велогловского и Руцкого) в селе Могутове к западу от Смоленска, а в конце декабря — захватить литовский острожек в селе Шишелове⁵⁹.

Осаждая город, воеводы постоянно посылали небольшие отряды в соседние волости для грабежа и захвата языков. 15 (25) октября отряд С. Шеховского из Белой атаковал Велиж и сжег посад города, после чего выдержал бой с подоспевшим литовским подкреплением⁶⁰. Сохранились свидетельства двух набегов в Катынскую волость. 20 (30) декабря русскими отрядами была атакована Дубровна⁶¹. Русские отряды доходили до Витебска, Орши и Мстиславля, нападали на остроги Сурожа и Езерищ, сожгли небольшой замок в Любавичах⁶².

Первые месяцы осады Смоленска позволяли рассчитывать на успех предприятия. Из города постоянно поступали сведения от перебежчиков и пленных о начавшемся голоде и волнениях среди воинских людей: *«Говорят де языки, что у смоленских сидельцов Шутцкой просил сроку до Великие дни. А на Велик день не будет выручки и они хотят идти из Смоленска вон, потому что запасов у них мало»*⁶³. «Новый летописец» указывает, что город был на грани сдачи: *«В Смоленску ж бывшу гладу великому, едва сидяху, з неделю ж времени и Смоленск бы сдаша»*⁶⁴.

Осада и попытки деблокады в 1614 г.

Литовское командование не могло быстро оказать помощь осаждённым, хотя уже 7 (17) июля, в день взятия Вязьмы, Ходкевич объявил в Орше сбор своей дивизии и посполитого рушения соседних поватов. Но даже прибывшие в Оршу хоругви выступить в поход отказались до получения жалованья за прежний год. Они согласились лишь оставаться на позициях до 11 ноября. Посполитое рушение вообще не смогло собраться⁶⁵. Второй попыткой сбора войск стал королевский универсал в сентябре 1613 г., в котором монарх давал разрешение Ходкевичу на наём 15 хоругвей на четверть года и призывал окрестную шляхту под знамена великого гетмана. Сбор войска был объявлен в Могилёве к 18 (28) октября того же года.

Несмотря на то, что войска собирались медленно и неохотно, осенью 1613 г. Ходкевич имел в своём распоряжении несколько тысяч человек наёмных хоругвей, посполитого рушения и казачьих полков.

С этими силами он намеревался деблокировать Смоленск. Однако его планы были нарушены вторжением в пределы Великого княжества запорожских отрядов. Великий гетман был вынужден отправить на юг 9 хоругвей и часть посполитого рушения, где они находились до начала 1614 г.⁶⁶

С другой стороны, в конце 1613 г. Речи Посполитой удалось ликвидировать брестскую конфедерацию. Конфедератам были заплачены долги за прежние службы, и 2 (12) ноября они официально заявили о прекращении конфедерации. Это должно было значительно усилить оборону княжества. На чрезвычайном сейме, прошедшем в Вильно в декабре 1613 г., было одобрено решение направить значительную часть литовских доходов на содержание военных частей, боровшихся против русских войск⁶⁷. Ходкевичу было разрешено дополнительно нанять 1000 гусар, 1000 «козаков» и пехоту. Решение это, правда, исполнялось очень плохо, так как многие поветы (Полоцкий, Витебский, Мстиславский, Оршанский, Мозырский, Речицкий и Пинский) приняли решение использовать налоги для организации своих поветовых хоругвей. Часть средств по инициативе Ходкевича должна была пойти на выплату жалованья казакам Наливайки и Хвастовца.

Положение с деньгами в Великом княжестве было удручающим, и ликвидация одного кризиса тут же приводила к появлению другого. Узнав о решении выплатить жалованье участником брестской конфедерации, 4 февраля свою конфедерацию объявила уже инфлянтская дивизия самого великого гетмана. Возглавил её поручик гусарской хоругви А. Радзивилла К. Пшеворский. Почти все жолнеры, за исключением собственной хоругви великого гетмана, покинули свои позиции и собрались в Минске. Здесь Ходкевичу удалось вернуть их на службу, дав гарантию, что жалованье будет выплачено⁶⁸.

В итоге вместо значительных сил Ходкевич имел в непосредственном распоряжении лишь небольшую часть своей дивизии, несколько новых хоругвей и казачьи отряды Наливайко и Хвастовца. Остальные силы либо вошли в состав поветовых хоругвей, либо были размещены в гарнизонах приграничных крепостей Литвы.

Русское правительство также пыталось пополнять осаждающую армию при любой возможности. 5 (15) марта 1614 г. Михаил Астафьев сын Пушкин привел под Смоленск нетчиков из украинских

городов⁶⁹. Собирать дворян и детей боярских становилось все сложнее. Сборщики сообщали не только об их массовом отказе выступать на службу по бедности, но и о нежелании воевод сотрудничать. Так воевода в Тарусе Г. Бутурлин, по-видимому, не желая обострять отношения с дворянством города, не давал сборщикам в помощь пушкарей и затинщиков, из-за чего «...имать ему тех дворян и детей боярских и за ослушание в тюрьму сажать не с кем»⁷⁰.

Служилые люди «по отечеству» просили посылать их на службу хотя бы поочередно. Эта просьба была учтена, и многие служилые города перешли к службе под Смоленском по половинам. Правда, учитывая резко возросшую долю не готовых к дальней полковой конной службе дворян и детей боярских, некоторые корпорации в итоге были представлены всего несколькими десятками человек.

В середине весны было послано очередное подкрепление из Калуги, в которое входили все те же «...украинных городов дворяне и дети боярские» во главе со стольником В. П. Шереметьевым и И. А. Колтовским. Правда, этот отряд дошел лишь до Дорогобужа, где воеводы остановились лагерем, посылая под Смоленск дворянских голов с сотнями⁷¹. Очередную прибавку гарнизону (1258 чел., в т.ч. 83 московских чина, 194 дворянина, 400 стрельцов, 20 татар и 261 казак) привел из Москвы и других городов В. Вешняков. Тогда же к смоленской осадной армии присоединились 735 казаков из Боровска под руководством Н. Борятинского⁷².

К сожалению, значительные резервы, которые могли бы быть переброшены под Смоленск, в это время бездействовали в лагере Д. Т. Трубецкого в Торжке. Долгие сборы этой армии привели к массовому отъезду служилых людей в свои поместья. В итоге Трубецкому в качестве пополнения пришлось привлечь ненадёжные казачьи отряды.

Весной 1614 г. вести о тяжелом положении смоленского гарнизона заставили литовское руководство активизироваться. Поскольку сам Ходкевич отбыл домой на похороны сына, командование собранными отрядами было поручено оршанскому старосте Александру Сапеге. Выбор был довольно необычным, так как молодой шляхтич не имел большого военного опыта, а ротмистром хоругви стал только накануне похода. По мнению А. Г. Пшепюрки, выбор был сделан из-за того, что он был единственным гусарским ротмистром, находившемся

при своей хоругви, и хорошо знал местность⁷³. Впрочем, возможно, и сам Ходкевич, и другие знатные военачальники не решились рисковать своей репутацией. Как показал ход дальнейших событий, выбор Сапеги оказался удачным.

Противостояние под Смоленском вновь активизировалось. Русские войска, получив подкрепление, совершили несколько рейдов в пограничные земли Великого княжества. 22 февраля (4 марта) 1614 г. отряды из русского осадного лагеря в очередной раз атаковали Дубровну и даже пытались выбить ворота крепости. Были разорены окрестности Кричева, Копыси, Холма и Шклова⁷⁴.

Уходом части осадного войска в очередной раз воспользовались литовцы: *«На Федоровой неделе, в пятницу, выходили из города ис Смоленска литовские люди на Печерскую гору на острожек, где стоит Сава Языков и был с ними бой и их побили многих и языки поимали, а острожку шкоты никакие не учинили»*⁷⁵.

Вскоре были получены сведения от пленного о сборе литовских войск для помощи Смоленску. Шляхтич С. Судовский сообщил, что в ближайшей к Смоленску крепости Мстиславль в конце марта находилось лишь 1000 шляхтичей, 500 черкас и 700 мещан во главе с подкоморьем Селицким. Основным местом сосредоточения литовско-запорожских войск была по традиции Орша, где гетман Ходкевич собирал войско из сапежинцев для похода к Смоленску⁷⁶.

Навстречу им 27 марта (6 апреля) 1614 г. был отправлен отряд под командованием Троекурова (10 дворянских сотен, 12 казачьих станиц, отряды темниковских, кадомских и касимовских татар): *«Воевода... ис-под Смоленска на рубеж по Дубровенской и по Молоховской дороге от Смоленска верст 70, от Орши тож для того... что гетман Хоткеев и Лисовский из Орши хотят идти к Смоленску»*⁷⁷. Опасаясь вступить в бой с литовской конницей, воевода применил хорошо зарекомендовавшую себя тактику строительства укрепленных острожков на возможных путях движения противника. Всего им было построено четыре таких острожка *«в крепких местах»* на расстоянии 4–5 верст друг от друга. В них были размещены казачьи станицы (по 1–2 в каждом острожке). Две дворянские сотни и татары располагались вне острожков и были готовы отразить нападение или совершить рейд на литовскую территорию. Небольшой отряд 30 марта (9 апреля) совершил

набег на предместья Дубровны. 12 (22) апреля, не встретив противника, отряд Троекурова вернулся в Смоленск⁷⁸.

2 (12) апреля 1614 г. осаждённые предприняли очередную неудачную вылазку: *«Польские и литовские люди, сведав поход из-под Смоленска князя Ивана Троекурова, выходили из города Смоленска и к Печерскому острожку приступали и наши ратные люди польских и литовских людей от острогу отбили и многих побили и языки и знамена и щиты поимали»*⁷⁹.

Надо отметить, что гарнизон действовал активно, пытаясь использовать любое временное ослабление русских войск, о чём они были хорошо информированы благодаря лазутчикам. Но положение осаждённых становилось всё хуже. По словам вышедших из крепости, запасы у литовцев подходили к концу, цена хлеба резко выросла, рядовые воины начали есть павших лошадей, многие умирали от голода. Выплачиваемого немцам и гайдукам месячного жалования в 1 злотый хватало на несколько дней. Всё это вызывало протесты гарнизона, особенно усилившиеся после неудачной вылазки на Печерскую гору. Около 150 человек дезертировало из города. Часть гарнизона требовала от коменданта сдать город, напоминая про судьбу оборонявших Кремль в 1612 г.: *«Им де чего с ним с Шуцким в осаде сидеть и головы покласть также как и Струсь на Москве все рыцарство погубил. И им де литовским людем и гайдуком, и немцем с ним в осаде так не сидеть»*⁸⁰. Для облегчения ситуации с продовольствием из крепости была выпущена часть русских жителей, ранее служивших у литовцев.

Понимая, что медлить с организацией помощи больше нельзя, Сапега организовал поход под Смоленск. Учитывая общую обстановку, литовскому командиру удалось собрать довольно крупные силы, состав и численность которых восстанавливается как по показаниям пленных, так и по переписке оршанского старосты.

Первоначальный план похода, разработанный, возможно, самим великим гетманом, предполагал внезапную атаку острожков на дороге Орша — Смоленск. В случае успеха они были бы захвачены, в случае неудачи предполагалось обойти их и двигаться к Смоленску. В районе Катыни планировалось создать укреплённый лагерь и построить мост. Опираясь на укрепление, литовские войска должны были очистить от противника северную сторону Днепра. Одновременно из Орши

Численность армии А. Сапеги в апреле 1614 г.⁸¹

тип хоругви	ротмистры	ноней
Гусарские	Я. К. Ходкевич (J. K. Chodkiewicz)	235
	И. Ходкевич (J. Chodkiewicz) ⁸²	100
	А. Сапега (A. Sapiega)	100
	Я. Кишка (J. Kiszka)	200
	Л. Сапеги (L. Sapiega)	100
	М. Глебович (M. Hlebowicz)	100
	С. Воллович (S. Wollowicz)	100
	Я. Такарского	100
Пятигорские	Соколовского	200
	Я. Кишка (J. Kiszka)	200
	Л. Сапеги (L. Sapiega)	100
Казацкие	Я.К. Ходкевич (J. K. Chodkiewicz)	100
	Л. Сапеги (L. Sapiega)	100
	Вишль (Wessel)	100
Рейтары	Французские рейтары	30–40
Татарские	Околович (Okolowicz)	100
	Богдан (Bohdan)	100
Шляхта	Мстиславская	1000
Лисовчики	Челядка (казацкая)	100
	Чернацкий (казацкая)	100
	Быковецкий (казацкая)	100
	Быковецкий (пятигорская)	100
	З. Заруцкий	180
Запорожцы Наливайко	Хоругвь Асалы	300
	Хоругвь Соломины	50
	Хоругвь Сокольского	200
	Хоругвь Камизы	60
Пехота	Я.К. Ходкевич (J. K. Chodkiewicz)	200
	И. Ходкевича (J. Chodkiewicz)	200
	Я. Кишка (J. Kiszka)	100
	Л. Сапеги (L. Sapiega)	200
	Мутыкальский С.	100
	Могилевские избранцы	100–150

должны были двинуться семь кораблей с припасами для гарнизона в сопровождении небольшого эскорта из 300 чел. (козацкая хоругвь Весселя (Вишля), пешая хоругвь С. Мутыкальского и вооруженные мещане). Прикрываемые конными литовскими отрядами, они должны были прорваться в осаждённый город.

Однако А. Сапега избрал более осторожный вариант. Он двинул свой полк к Горам, рассчитывая атаковать самый южный острожек в районе села Кадыно. Оршанский староста полагал, что этот острожек менее укреплён, кроме того, его могли подержать отряды мстиславльского посполитого рушения и казаков⁸³. Не дожидаясь сбора всех сил, в конце апреля литовская армия двинулась к границе. В её составе насчитывалось свыше 2000 кавалеристов, около 400 пехотинцев при 2 небольших орудиях.

В ночь на 28 апреля к острожку неожиданно подошел авангард литовцев во главе с «лисовчиками» (около 500 чел.). На следующий день к ним присоединились основные силы. Однако ни внезапная атака, ни массированный приступ к успехам не привели. Более того, во время ответной вылазки были пленены ротмистр пятигорской хоругви С. Богушевский и хорунжий гусарской хоругви гетмана А. Кучина, сообщившие сведения о составе и численности литовской армии⁸⁴. Вместо движения на Смоленск осторожный Сапега решил взять острожек и осадил его. Вскоре после начала осады к нему присоединились отряды мстиславской шляхты.

На этот раз русское командование оперативно отреагировало на активизацию противника. Против армии Сапеги был направлен полк Троекурова. После нескольких стычек (одна из которых произошла, по-видимому, 17 (27) мая 1614 г.⁸⁵), литовский командующий был вынужден отступить обратно за рубеж. Главной причиной отхода стал массовый отъезд шляхты и наёмных хоругвей (в том числе его собственной) из-за невыплаты жалованья. Русский воевода докладывал в Москву о своей победе и захвате «разряда» — походной канцелярии. 19 (29) мая Иван Федоров сын Еропкин привез в Москву известие о том, что «...Олександра Сопегу и Лисовского и польских и литовских людей, которые было пошли проходить в Смоленск на рубеже побили и розряд Сопегин взяли, и языков поимали»⁸⁶. Учитывая неблагоприятное для русских войск соотношение сил, майские бои и срыв попытки деблокады были действительно большим успехом.

Кроме того, русские конные отряды из-под Смоленска совершили несколько набегов на приграничные литовские крепости. Так, 11 (21) мая 1614 г. был атакован Мстиславль⁸⁷. Отряды из-под Смоленска «...*стольника и воевод от князя Олексея Лвова да от Перфирья Секирина... в Литовской земле в Кричеве и во Мстиславле посады и остроги выжгли, и литовских людей многих побили, и многие места повоевали и пожгли, и полон многой поимали*»⁸⁸. Это заставило Сапегу отправить на защиту Кричева, Дубровну и Мстиславля большую часть «лисовчиков».⁸⁹ В целом, весенние действия литовской армии оказались неудачными. Главная задача похода — доставка продовольствия в Смоленск — выполнена не была. Не удалось даже захватить небольшой острожек. При этом армия понесла потери и была сильно ослаблена из-за массового дезертирства.

К сожалению, закрепить этот успех не удалось. Вскоре литовцам удалось прорвать блокаду и перебросить в Смоленск подкрепления и припасы. Подробности этой неудачи описывает «Новый летописец». Долгие годы Смуты неизбежно отразились на моральном состоянии русской армии. Длительная задержка под Смоленском в условиях невыплаты денежного жалованья и истощения запасов вызвала в армии Черкасского волнения. Значительная часть воинов покинула свои позиции на подступах к крепости со стороны Литвы, открыв дорогу польско-литовским отрядам в Смоленск: «*В рати ж стало волнение великое... поидоша все под Смоленск острожки все покинуша и засеки*».

Между тем Сапега не оставил попыток прорваться в Смоленск. Активизировался и гарнизон крепости, который 15 (25) июня в очередной раз атаковал острожек на Печерской горе, захватив несколько пленных⁹⁰.

Попытки командующего исправить ситуацию посылкой навстречу отряда голов Михаила Новосильцова и Якова Тухачевского завершились провалом по вине самих же воевод: «*Они ж с пьяна пришел и поставиша острог с неразумия не в крепком месте*»⁹¹. Не имея возможности удержаться в остроге, головы выступили навстречу противнику и потерпели поражение. По-видимому, решающую роль в бою сыграл отряд Лисовского⁹². Победа позволила 1 (11) июля литовским войскам беспрепятственно провести обоз с припасами в Смоленск.

Кроме того, в крепости были оставлены подкрепления (3 гусарские роты и отряд лисовчиков)⁹³. Это лишило русское командование надежды на быстрый и удачный исход кампании, а, возможно, и всей войны.

Символично, что почти одновременно с неудачей смоленской осады потерпела полный крах и попытка освобождения Новгорода. 14 (24) июня 1614 г. армия Д. Т. Трубецкого потерпела тяжелое поражение под Бронницами. *«На весну же придоша под Новгород и стаща на Бронницах. Место ту неугодно было и тесно... Придоша из Нова города Яков Пунтусов с немецкими людьми и из осадиши и тесноту им учиниши великую... И от такие великия тесноты не можаху стояти, поидоша в отход. И на отходе многих русских людей побииша, едва и сами воеводы отойдоша пеши»*⁹⁴. Значительная часть армии, состоящая из казаков, рассеялась по северо-западу, а поредевшие отряды дворян и детей боярских в конце лета были направлены под Смоленск. Но эти подкрепления уже не могли серьёзно повлиять на ситуацию.

После крупного успеха литовской стороны бои и стычки в окрестностях Смоленска участились: есть упоминания о них 4 (14), 12 (22), 16 (26) и 28 июля (7 августа) 1614 г.⁹⁵ По сообщению бежавшего из Смоленска жителя Любима Шестакова, в августе 1614 г. *«...как он был в Смоленске и при нем был в Смоленске старшей маршалок, а с ним де было в Смоленске конных 3 знамени... да знамя было 1 гайдуюкое»*⁹⁶. Положение с провиантом было тяжелым, и угроза голода оставалась серьёзной. 21 (31) августа Сапега сообщал К. Радзивилу, что пищи у осаждённого гарнизона оставалось только на 6 недель⁹⁷.

В целом, к концу 1614 г. ситуация под Смоленском зашла в тупик. Обе стороны были настолько истощены, что не могли предпринимать никаких решительных действий.

Литовская армия была ограниченно боеспособна. Средств в казне не хватало даже для содержания немногочисленных хоругвей, продолжавших боевые действия (гарнизон Смоленска и полк Сапеги). Большая часть армии всё ещё находилась в составе конфедерации, ожидая решения вопроса с выплатой долгов за прежние периоды. Самое неприятное было то, что расположились конфедераты на литовских землях, нанося большой экономический урок населению. Гетман Ходкевич надеялся хотя бы отправить их за рубеж в район Белой. Помимо экономических выгод, наличие двухтысячной

группировки к северу от Смоленска сильно ослабило бы позиции русской армии у крепости.

В Великом княжестве шел активный поиск средств на продолжение войны. Были повышены налоги на табак, мёд и пиво, объявлен сбор подушевого налога с евреев, на нужды армии были использованы средства, предполагаемые для найма выбранцов⁹⁸. Эти средства должны были быть использованы для формирования новых хоругвей взамен тех, что объявили конфедерацию, и для выплаты жалования жолнерам, оставшимся на службе. Всего планировалось набрать 1000 гусар, 300 рейтар и 2000 пехоты, причем стоимость найма была очень высокой для того времени. Важно отметить, что Ходкевич старался не нанимать больше козацких хоругвей, низко оценивая их боевую ценность и в письмах называя их «толпой»⁹⁹.

Очень плохо обстояло дело и в гарнизоне Смоленска. В октябре из крепости из-за голода и неуплаты жалования ушли четыре хоругви, сократив гарнизон почти на треть. Правда, они не покинули армию, как конфедераты, прибыли в лагерь под Оршу и впоследствии были использованы для проводки обоза с продовольствием в крепость¹⁰⁰.

К этому времени блокада крепости была очень слабой. В октябре 1614 г. четыре конные хоругви покинули гарнизон, не встретив никакого сопротивления. Если бы в острожках находились боеспособные гарнизоны, можно было рассчитывать на то, что им удастся воспрепятствовать прорыву в город хотя бы громоздких обозов с продовольствием. Но к концу 1614 г. часть острожков уже была покинута (а Катынский вообще занят противником), а оставшиеся думали больше о своих собственных обороне и снабжении. Небольшие стычки с совершавшими вылазки литовцами продолжались¹⁰¹.

Проблемы по снабжению гарнизона теперь были связаны не столько с сопротивлением блокирующих войск, сколько со сложностями в сборе продовольствия для крепости. Наконец, 15 (25) ноября 1614 г. Сапега, перегрузив припасы с судов на подводы, выступил из Орши к Смоленску, имея несколько хоругвей конницы и около 1000 пехотинцев. Не встретив сопротивления, он вошёл в Смоленск. Доставленного продовольствия должно было хватить всего на шесть недель, но предполагалось, что к этому времени Ходкевичу удастся собрать достаточно сил для полной деблокады¹⁰².

Русско-польско-литовские переговоры в период осады

На протяжении всей осады не прекращался и переговорный процесс. Положение на фронте не давало ощутимых преимуществ ни одной из сторон, а продолжение противостояния взаимно ослабляло и Россию, и Речь Посполитую (особенно Великое княжество Литовское). С другой стороны, именно неопределённость исхода военных действий фактически сводила на нет попытку заключения мира, так как обе стороны надеялись возможными победами добиться лучших условий.

Уже в начале осады Посольский приказ подготовил посольство в Речь Посполитую. Оно должно было предъявить условия заключения мирного договора от имени нового царя. В октябре 1613 г. за опасной грамотой для посольства в Оршу был отправлен И. Ф. Непоставов. Там он узнал, что король, со своей стороны, отправил в Москву посланника. Так как поляки не признавали прав на престол Михаила Федоровича, а русские, в свою очередь, прав Владислава, то переговоры велись между членами Боярской думы и польского Сената (*«паны радные»*).

Пока шли боевые действия вокруг Смоленска, переговоры велись довольно вяло. Лишь когда активность на фронте несколько снизилась, стороны вновь обменялись посольствами. В Литву был отправлен Федор Желябужский с предложением провести приграничный съезд послов для заключения перемирия. В ответ литовские сенаторы поставили условием отступление русской армии от Смоленска и прекращение боевых действий. Из неофициальных источников Желябужский узнал о расколе в польско-литовской элите по вопросу продолжения войны¹⁰³. Большинство литовских сенаторов выступало за заключение мирного договора в обмен на передачу им Смоленска и Северской земли.

Важным моментом стала готовность литовцев отказаться от планов утверждения на русском престоле Владислава Вазы: *«То дело стало прошлое, королевичу на Московском государстве у вас государем не быть, а ведаем же, что ныне у вас на Московском государстве государь есть»*. Напротив, сторонниками продолжения борьбы за московский престол были польские сенаторы и примкнувший к ним литовский канцлер

Лев Сапега¹⁰⁴. Конфликт между двумя партиями обострился на сейме, где литовцы отказались вводить новый налог для будущего похода на Москву и собирать литовское посполитое ружение.

Итогом обмена посланниками стало назначение литовцами места и времени посольского съезда. Он должен был начаться 20 августа 1615 г. между Смоленском и Вязьмой, что не устраивало русское правительство, так как, по сути, закрепляло факт существования проходящего восточнее Смоленска «*рубеша*» между странами¹⁰⁵. Вместо этого предлагалось избрать местом встречи послов традиционную границу между Белой и Велижем или между Смоленском и Оршей. Кроме того, русская сторона требовала вывода из юго-западных уездов отряды казаков и «лисовчиков», а литовская — отвести осадную армию от Смоленска¹⁰⁶.

Между тем переговорный процесс медленно, но развивался. В июле 1615 г. воевода Д. М. Черкасский и гетман Я. Ходкевич фактически заключили перемирие, хотя блокада крепости продолжалась. Сложный дипломатический церемониал, традиционно сопровождавший все отношения между Россией и Речью Посполитой, не позволял приступить к реальному переговорному процессу. Так, русское правительство отказалось послать боярскую делегацию к 20 августа на предложенное литовцами место встречи. Во-первых, они сомневались в полномочиях литовского представителя принимать решение о начале переговоров. Во-вторых, место категорически не устраивало русскую сторону, бояре настаивали на переговорах в том районе, где «...*царского величества, и государя вашего земли прямые и спору в рубеш тут не будет*»¹⁰⁷. Дата встречи послов переносилась сначала на 8 (18) сентября 1615 г., затем на 18 (28) сентября.

В состав посольства со стороны России были включены бояре князь И. М. Воротынский, князь А. Ю. Сицкой, окольный А. В. Измайлов, дьяки И. Болотников и А. Витовтов. В сопровождение им традиционно был выделен крупный отряд из 73 московских чинов, 275 городских дворян и 500 стрельцов московского приказа М. Рчинова¹⁰⁸.

Время шло, а пререкания сторон по поводу места встречи продолжались. Польско-литовские сенаторы продолжали настаивать и на отводе русских войск от Смоленска как на одном из условий встречи посольств¹⁰⁹. Скептически оценивая перспективы переговоров,

литовский гетман предложил подготовить хотя бы обмен пленными, на что получил предварительное согласие русской стороны. Для этого пленные поляки и литовцы были свезены в Вязьму¹¹⁰.

Ход осады в 1615 г.

Весной 1615 г. литовцам вновь удалось провезти припасы в осаждённую крепость. На этот раз операцией руководил староста пернавский Станислав Кишка. Русские войска, по-видимому, даже не пытались оказать серьёзного сопротивления, и гарнизон получил достаточно продовольствия и боеприпасов для продолжения обороны. Ходкевич в очередной раз пообещал скорое освобождение крепости от блокады¹¹¹.

Для русских войск ситуация под Смоленском складывалась неудачно. В начале лета 1615 г. Черкасский сообщал в Москву информацию о размещении и планах польско-литовских сил: *«Пан Кишка, который прежде того запасы проводил в Смоленск, стоит в горах, от Смоленского рубежа верст с 15... а литовский гетман Карло Хоткеев стоит в Быхове, а збираеца с ратными людьми. А пану де Кишке идти под Смоленск на государевых людей и обходить их от Дорогобужа и ставити острожки, чтобы от государевых людей... дороги отнять. А гетман де литовский Карло Хоткеев, собрався с ратными людьми, хочет идти под Смоленск на государевых же людей. А корол де и королевич в Вильне, а чают де королевичева приходу вскоре»*¹¹². Интересно отметить, что этот план был полностью реализован литовцами полтора года спустя, только «роль» Кишки сыграл А. Гонсевский. Но и в 1615 г. такие планы у литовского гетмана действительно были. Он постоянно настаивал на выступлении к Смоленску королевича, который самим фактом своего пребывания на фронте должен был внести разногласие в ряды противостоящих русских войск¹¹³.

Угроза перехода противника в контрнаступление заставляла задуматься об усилении вооруженных сил на западном направлении. Ситуация осложнялась тем, что летом 1615 г. все свободные силы русской армии были отвлечены на отражение рейда Лисовского. Действуя в юго-западных уездах, литовский полковник не только притягивал все свободные резервы, но и угрожал коммуникациям осадных отрядов. В условиях ограниченности сил такие действия противника имели

свой эффект, ослабляя позиции русских войск под Смоленском. Великий гетман литовский задумывал также второй крупный рейд на русскую территорию под командованием С. Кишки, но эту акцию пришлось отменить¹¹⁴.

Блокада крепости была нацелена в первую очередь на то, чтобы воспрепятствовать переброске в Смоленск крупных подкреплений и обозов с продовольствием. Небольшие отряды и отдельные всадники практически не перехватывались. Так, в период переговоров грамоты от литовцев к русским воеводам часто направлялись через Смоленск.

Хотя силы русской армии в осадных острожках были невелики, посланникам при встрече со своими литовскими коллегами по-прежнему предписывалось существенно завышать ее численность. В мае русский посланник Ф. Сомов должен был при случае сообщить, что *«...есть царского величества ратных людей под Смоленском всяких дворян и детей боярских и голов стрелецких с стрельцы и атаманов и казаков болии 40 000 человек»*¹¹⁵.

К счастью, опасения воевод не оправдались. Побывавший в Литве посланник А. Нечаев смог получить много сведений о литовских силах, противостоящих русским войскам. Прежде всего, источники сообщали о тяжелом финансовом положении в Великом княжестве Литовском. Как выяснилось, больших сил на рубеже у противника не было, а отряд С. Кишки в Горах насчитывал всего около 900 человек и использовался *«для береженья»*. В ближайшей к Смоленску крепости — Орше *«...ратных людей нет никого и живут от государевых людей в Орше с великим страхованьем»*.

По-прежнему тяжелым оставалось положение блокированного смоленского гарнизона. Воевода Шуцкий докладывал Ходкевичу, что *«...в Смоленске голод и нужда великая и сидети им в Смоленске не мочно, только де не пришлете в Смоленск з живностью в Пречистьев день, а по русски на Успеньев день или после вскоре, и нам де в Смоленске не сиживать, город покиня, пойдём оборонною рукой, а по русски отводом»*¹¹⁶.

В июле 1615 г., в связи с ожидавшимся началом переговоров о мире, Д. М. Черкасскому было указано, продолжая блокаду Смоленска, временно прекратить нападения на литовские земли. Важно отметить, что это решение было принято, несмотря на то, что в юго-западных

районах продолжали действовать отряды Лисовского¹¹⁷. Осенью 1615 г. отряды «лисовчиков» прорвались от Калуги в верхневолжские уезды и даже несколько недель осаждали Ржев. Во время этого прорыва Лисовский пересек основную линию снабжения русской армии между Вязьмой и Можайском. Слабость его отрядов не позволила, впрочем, ему закрепиться на русских коммуникациях¹¹⁸.

В августе была произведена смена командования и ротация русских войск под Смоленском. Вместо Д. М. Черкасского и И. Троекурова армию возглавили боярин И. А. Хованский и М. А. Вельяминов. Выбор воевод был обоснованным. Иван Андреевич Хованский («Большой»¹¹⁹) принимал участие в боевых действиях на протяжении почти всего периода Смуты, в том числе в походах М. В. Скопина-Шуйского и в неудачном Клушинском сражении. Он хорошо проявил себя в составе Второго ополчения и особенно в успешных боях под Москвой в 1612 г. Незадолго до назначения Хованский получил боярский чин. Мирон Андреевич Вельяминов, несмотря на малый чин, имел хороший опыт командования крупными отрядами и в период Смуты проявил себя талантливым и инициативным воеводой¹²⁰.

Прежние воеводы за службу получили награды. Черкасский получил *«...шубу камка бурская, круги золотые, на соболях, цена сто осмнатцать рублев и девять алтын з деньгою, кубок серебрян с покрышкою, позолочен, в нем весу три гривенки шесть золотников»*, Троекуров — *«...шубу камка бурская на соболах, цена семьдесят шесть рублев одиннатцать алтын три деньги, ковш серебрян, а в нем весу три гривенки двенатцать золотников»*¹²¹. Помимо этого, Черкасский получил значительную придачу в 170 рублей к своему жалованью в Галицкой четверти. Теперь его жалованье составило 300 рублей, больше чем у любого другого стольника в государстве. Важно также отметить, что в 1615–16 гг. жалованье ему было выплачено в полном объёме, что для того времени было исключительным явлением¹²².

Характер ведения осады, когда осадный корпус располагался в нескольких острожках, определил и изменение состава самого корпуса. Численность дворян и детей боярских снизилась до минимума. Если не учитывать отряд, сопровождавший послов, то число служилых людей *«по отечеству»* не превышало трёх сотен человек, причем почти все относились к смоленскому служилому городу. Основу армии

**Состав и численность русской армии И. А. Хованского
под Смоленском (лето 1615 г.)¹²³**

<i>категория</i>	<i>кол-во</i>	<i>примечание</i>
Московские чины	77	в сопровождении послов
Городовые дворяне	608	
- в основной армии	284	большинство смоляне
- в сопровождении послов	323	
Казачи	2572	в 38 станицах
Стрельцы	2258	
- московские	1502	в т.ч. 700 новоприбранных
- городовые	706	в т.ч. 250 конных
Стрельцов и казаков	500	
Городовые казаки	645	в т.ч. 430 конных
ВСЕГО	6660	

составляла пехота, в том числе и посаженная на лошадей — стрельцы и казаки. Средняя численность казачьих станиц сократилась. Россия вступила в период внутривосточной стабилизации, и «вольное казачество» постепенно лишалось базы для восполнения своей численности.

Осада крепости в 1616 г.

Начало кампании 1616 г. ознаменовалось победой русского оружия. 11 (21) января 1616 г. из Смоленска был выслан отряд ротмистра (в русских документах — «*полковника*») Томашевского «...на Бельскую дорогу стоять и отнимать дороги». Задачей расположившегося у села Колодни отряда было препятствовать сообщению русских осадных войск под Смоленском с Бельским гарнизоном. Сам факт беспрепятственного выхода из осажденного города значительного отряда показывает, насколько слабой была блокада города. Правда, на этот раз польско-литовский отряд был жестоко наказан за самонадеянность. И. А. Хованский выслал против интервентов отряд во главе со вторым воеводой М. Вельяминовым, который «...*шол их на бельской дороге и побил наголову, а в языцах взял полковника Тумашевского и ротмистров и поручиков и шляхты 200 человек, и знамена и литавры поимал*»¹²⁴. Помимо полковника в бою также пленили «...*хоружего немецкого*»¹²⁵.

В бою принимали участие также войска, которые сопровождали русских послов. Переговоры зашли в тупик, и приданные посольству служилые люди пополнили ряды осадной армии.

Победа была высоко оценена правительством. Судя по выданным золотым монетам, награду получили все участники осады крепости. В их числе, помимо воевод, насчитывалось 79 московских чинов, 654 дворян и детей боярских (в 12 сотнях), 1776 стрельцов (в т.ч. 1012 московских в 2 приказах), 2573 казаков (в 30 станицах)¹²⁶. В делопроизводственной документации это событие даже получило особое название: «*Томашевский побой*». Многие участники его, помимо наградных золотых, получили придачи к денежным окладам.

В марте 1616 г. Хованский и Вельяминов были отозваны в Москву. Они также получили награды за успешную службу: «*Боярину князю Ивану Ондреевичю Хованскому шуба отлас золотной на соболах, пугвицы золочены, цена 71 рубль 19 алтын 4 деньги, кубок золочен с покрышкою, весу 2 гривенки 15 золотников... Мирону Ондрееву сыну Вельяминову за смоленскую ж службу дано государева жалованья у стола шуба камка бурская на соболах, цена 72 рубли 6 алтын кубок золочен, в нем весу гривенка 28 золотников*»¹²⁷.

Вместо них командование временно было поручено бывшим руководителям русского посольства на переговорах — боярину князю А. И. Сицкому и окольникову А. В. Измайлову¹²⁸. Уже спустя несколько месяцев, 16 (26) июня 1616 г. под Смоленск были назначены новые воеводы стольники М. М. Бутурлин и И. С. Погожий. В качестве воеводы Сицкий успел отметиться только удачным набегом на Дубровну, в ходе которого «*...у Дубровны все посады и слободы пожгли и стада отогнали, и вылазных людей дубровенских побили наголову, и языки поимали, и в уезде волости и деревни, и села повоевали, и полон многой поимали, лошадей и животину всякую отогнали, и засеки пожгли*»¹²⁹.

В июне 1616 г. в составе осадной армии под Смоленском под командованием новых воевод М. М. Бутурлина и И. С. Погожего числилось 4547 человек (1619 дворян и детей боярских, 1000 стрельцов, 1928 казаков и 35 пушкарей)¹³⁰. Помимо снижения численности, в осадном корпусе возникла ещё одна проблема. Во время предыдущих назначений разница между статусом воевод была очень существенной. Бояре Д. М. Черкасский и И. А. Хованский были представителями

высшей аристократии, и вторые воеводы — И. Троекуров и М. Вельяминов не могли поставить под сомнение их единоначалие. Напротив, М. Бутурлин и И. Погожий с местнической точки зрения были примерно равны друг другу, а их личные отношения были напряженными. Положение усугублялось тем, что каждый воевода получил в прямое подчинение свою часть войск. В итоге взаимодействие и совместное использование и без того небольших отрядов было затруднено, что отрицательно сказалось на ходе боевых действий.

Между тем обстановка на театре боевых действий ухудшалась. Литовцы приступили к более активным действиям. Литовский гетман Гонсевский, собрав наличные силы, перешел русский рубеж и расположился лагерем недалеко от Смоленска. Отсюда он намеревался при случае прорвать блокаду города. Одновременно Лисовский должен был вновь атаковать Северщину. Последнее предприятие не удалось, так как знаменитый литовский полководец погиб: *«Бог же его окоянно-го не попусти, приде бо в Комарицкую волость и внезапно спаде с коня и свою окоянную душу испроверже»*¹³¹. Гибель командира не позволила сразу же использовать «лисовчиков» для набега на Россию, вместо этого они решили отправиться под Смоленск на соединение с Гонсевским. О состоянии дисциплины среди «лисовчиков» говорит тот факт, что сменивший Лисовского на посту полковника ротмистр Раткевич был ими же и убит.

19 (29) сентября 1616 г. русским войскам удалось одержать небольшой успех в одном из боев¹³². Войско под командованием гетмана Гонсевского попыталось атаковать Михайловский острожек, но было отбито вышедшими в поле русскими сотнями. Воеводы указывали, что Гонсевский ударил по русским укреплениям, *«...не заходя в город Смоленск»*¹³³. Возможно, Гонсевский не решился послать припасы под угрозой удара со стороны осадной армии и решил сначала деблокировать город. По-видимому, атаке подверглись укрепления второго воеводы И. Погожего.

М. М. Бутурлин поспешил послать с сеунчем своего племянника Федора Борисова сына Бутурлина. За успех и взятие 54 пленных (по другим данным 56) воевода был пожалован 40 соболями, 10 аршинами *«камки карамзин»* и серебряным ковшом¹³⁴. Однако немедленно вслед за этим Ф. Погожий прислал своего гонца, который сообщил

совершенно иную версию боя: *«Михаило, сам на бою не был и сотен не пушал, а которые дворяне, собою урываясь бились самовольством и он их бил и службы их писать не велел, а языков взяли 24 человека»*¹³⁵. По поводу этого конфликта было назначено специальное боярское расследование, которое, впрочем, ни к чему не привело.

Не удивительно, что в следующем бою 16 (26) октября 1616 г. воеводы потерпели поражение¹³⁶. Литовцы своевременно узнали о вылазке воевод из острожков и неожиданно атаковали их: *«Ходили на Госевско-го таборы и литовские люди дождався их побили и поимали, а взяли голову стрелецкого Андрея Жукова»*¹³⁷. Масштаб поражения подчеркивает пленение головы московских стрелецких приказов, что было неординарным явлением даже для Смутного времени.

Контрнаступление польско-литовских войск. Снятие осады Смоленска

Известия о начавшихся русско-шведских переговорах в Старой Руссе заставило польского короля Сигизмунда III вновь вернуться к московским делам. 16 (26) апреля 1616 г. в Варшаве был собран вальный сейм, главной задачей которого было решение вопроса о начале нового похода в Россию. На этот раз королю удалось склонить сенаторов к положительному решению. Сейм определил сроки войны, средства, выделяемые на ее ведение, и определил цели похода¹³⁸.

Целями нового большого похода были не просто военная победа и заключение выгодного мирного договора. В очередной раз ставилась задача полного политического подчинения Русского государства, и поэтому во главе похода был поставлен королевич Владислав. В качестве пропагандистского хода Владислав разослал по России окружную грамоту, обращенную ко всем сословиям русского государства, в которой он так объяснял свои действия: *«А о том милосердного бога молим, чтобы нам достигнуть своего Царского престола вскоре, и очистить бы и оборонить все Московское государство от всех посторонних недругов и всем бы мир и тишину учинити»*¹³⁹. Интересно отметить, что ко времени создания этого документа именно поляки были единственными *«недрузьями Московского государства»*. Мятежные казачьи отряды и банды были рассеяны, восстание в Поволжье подавлено, со шведами велись переговоры о мире.

Наступление поляков и литовцев было разделено на три этапа. На первом ставилась задача снять осаду Смоленска и вытеснить русские войска из западных уездов. Это должны были сделать литовские войска Инфлянтской дивизии великого гетмана Ходкевича под командованием А. Гонсевского.

Пользуясь слабостью и низким боевым духом блокирующих Смоленск русских отрядов, в ноябре 1616 г. корпус Гонсевского (до 2000 чел.) предпринял смелый маневр и расположился в тылу у русского осадного полка М. М. Бутурлина в селе Твердилицы¹⁴⁰. Этим шагом он перерезал основной путь снабжения. Воеводы осадного корпуса в середине ноября сообщали в Москву, что «...Гонсевской с полскими и литовскими людьми к Дорогобужу дорогу отнял... и запасу приезду к ним ниоткуда нет долгое время и они от литовских людей сидят в осаде и хлебными запасами и конскими кормами оскудели... начинают есть кобылятину»¹⁴¹. При этом Гонсевский не ограничивался пассивным пребыванием в лагере и постоянно совершал вылазки к острожкам.

Следует отметить, что русское командование осознавало угрозу выхода на коммуникации смоленской группировки и ещё до маневра литовцев попыталось парировать её. Так как Бутурлин и Погожий в одиночку не могли противостоять этой угрозе и продолжать блокировать крепость, задача противодействовать возможному ходу Гонсевского была поручена полку М. Барятинского, располагавшемуся в Ржеве.

Полк за короткое время получал уже третью боевую задачу: изначально он формировался для рейда в Восточную Литву, что обусловило его состав. Затем предполагалось послать его в Псков из-за новой угрозы со стороны шведов, наконец, в конце 1616 г. ему было поручена борьба с Гонсевским. Для этого полк должен был перебазироваться в Дорогобуж и «...над литовскими людьми промышлять и хлебные запасы из Дорогобужа проводить в Смоленск». На начало 1616 г. полк списочно насчитывал 2229 человек (210 дворян и детей боярских, 994 татарина, 303 московских стрельца, 722 казака). Ему на помощь должны были прибыть отряд дворян и детей боярских «смоленских нетчиков» (203 чел.), отряд служилых людей из украинских городов (147 дворян и 990 стрельцов). Стоит добавить, что гарнизон Дорогобужа летом 1616 г. превышал 800 человек¹⁴². То есть даже с учетом не прибывших на службу, полк Барятинского мог представлять серьёзную силу.

К сожалению, воевода оказался неспособен выполнить поставленную задачу, проявляя нерешительность. Сложилась парадоксальная ситуация. Два русских войска — в Смоленске и Дорогобуже — значительно превышали силы противника, но при этом полностью отдали им инициативу. Если поведение смоленской осадной армии Бутурлина можно объяснить стремлением удержать блокаду города, то Бярятинский, очевидно, боялся рисковать. Есть сведения только об одной вылазке дворянских и казачьих сотен его полка к селу Беладино 6 (16) января 1617 г., итог ее неизвестен¹⁴³. Правда, учитывая слабость русской конницы, воеводе было трудно противостоять активному противнику.

Фактически именно осенью 1616 г. блокада Смоленска была окончательно снята, а русский осадный полк сам превратился в «сидельцев». Тем не менее, в начале следующего года русское командование приняло последнюю попытку переломить ход борьбы.

Для борьбы с литовским наступлением в январе 1617 г. начала снаряжаться новая армия во главе с боярином князем Ю. Я. Сулешовым и окольниким князем С. В. Прозоровским. О значении этого похода говорило включение в состав полка большого количества московских чинов (490 человек). Такого числа московских чинов не встречалось ни в одном походе 1613–18 гг. за исключением обороны Москвы 1618 г. Армия увеличилась за счет большого числа боевых холопов, по традиции выставляемых московскими чинами.

Сосредоточение полков в Дорогобуже завершилось в конце февраля. Сулешов приказал построить острожек на Словаже по пути к Смоленску, откуда выдвинутые вперед отряды Прозоровского и Бярятинского должны были действовать против литовцев. Острожек был построен Г. Валуевым, после чего туда переместились воеводы. К марту связь с воеводами осадных острожков была уже настолько затруднена, что для ее поддержания приходилось направлять довольно крупные отряды — «*проезжие станицы*»¹⁴⁵.

Поначалу воеводы действовали сравнительно активно. Посланные к литовскому лагерю головы Ф. Бояшев и Ф. Тараканов с небольшим отрядом (120 смолян, 90 романовских татар и 50 казаков) встретили и разбили литовский разъезд, пленив ромистра козацкой хоругви Вишля (Весселя): «*Полковника Вишля, с польскими и литовскими людьми, сошли и побили наголову и полковника Вишля взяли и многих польских*

**Состав и численность полка Ю.Я. Сулешова
в Дорогобуже (начало 1617 г.)¹⁴⁴**

категория	кол-во	примечание
Московские чины	490	
Городовые дворяне	1556	в т.ч. 401 из полка Барятинского
Татары и новокрещены	1093	в т.ч. 255 из полка Барятинского
Стрельцы и казаков	3618	
- стрельцов московских	1300	в т.ч. 300 из полка Барятинского
- казаков	1308	из полка Барятинского
- украинских городов	1010	из полка Барятинского
ВСЕГО	6757	не считая боевых холопов

и литовских людей поимали, да знамена и трупки и литавры поимали ж»¹⁴⁶. 13 (23) марта пленённый ротмистр был доставлен в Москву¹⁴⁷.

Следующий удар был нанесен 6 (16) апреля 1617 г. Посланные из острожка воеводы и головы (кн. В. Барятинский, кн. В. Р. Прозоровский и И. Чеинский) с сотнями, *«...пришед под Булавицы, литовских людей побили, ротмистров и поручиков и языки многие поимали»¹⁴⁸. Среди пленных оказалось много знатных литовцев, включая командира отряда, занимавшего Булавицкий острог, полковника князя С. Масальского, а с ним «...ротмистра Кричевскова, и поручика Ерошу Котловского, и Дубровина племянника пана Севостьяна Дуброву, и хорунжево Степана Ольшевского, и племянника Труцкокого Миколая Высоковскова, а с ними многих шляхтичей и товарыщев»¹⁴⁹. Литовцы были разбиты в полевом сражении, а остатки неприятельского отряда укрылись в остроге. 23 апреля (3 мая) в Москву были доставлены ещё 60 пленных во главе с князем Семеном Масальским¹⁵⁰. На фоне прежних неудач эти частные успехи были оценены правительством, и все участники были награждены золотыми из царской казны.*

Но в начале мая 1617 г., после прихода на помощь Гонсевскому «лисовчиков» во главе с новым полковником Чапинским, словажский острожек был атакован крупными силами противника и взят: *«Литовские люди ж придоша и острожек взяша, воевод и ратных людей всех поимаша»¹⁵¹. Под угрозой пленения русские отряды были вынуждены покинуть остальные осадные острожки под Смоленском и отойти по направлению к Белой¹⁵². На решение воевод повлияли известия*

о начале подготовки похода королевича Владислава, а также недостаток собственных сил. Точная численность осадной армии на этот период неизвестна, но дворян и детей боярских, судя по выплаченному в 1617 г. жалованью, к концу осады оставалось всего 230 человек из 24 «служилых городов»¹⁵³. Во время отхода армия Бутурлина понесла новые потери от нападений литовцев¹⁵⁴.

Снятие осады со Смоленска означало неудачу всей предыдущей кампании. Польско-литовское войско получило базу для дальнейшего наступления, а русская армия вынуждена была занять оборону в плохо укрепленной крепости. Царь наложил опалу на Бутурлина и Погожего, хотя воеводы, скорее, оказались заложниками общей ситуации на смоленском направлении и мало что могли изменить.

Чапинский и Гонсевский, стремясь развить успех, попытались выбить русскую армию и из Дорогобужа. 14 (24) мая 1617 г. отряды гетмана и полковника вместе с украинскими казаками приступили к городу. При нападении благодаря внезапности им удалось захватить большое количество лошадей, которые паслись около города. Из-за этого в бой с интервентами вступили лишь пехота и немногие конные воины «...у коих городе были лошади»¹⁵⁵.

Бой был очень напряженным. Так, голова смоленской дворянской сотни Григорий Киреевский в начале боя попал в плен, но позже был отбит¹⁵⁶. Однако на этот раз удача сопутствовала русскому войску, позволив им одержать одну из самых больших побед во всей кампании. В ходе боя «...топтали литовских людей розными дорогами за реку за Ужу от Дорогобужа 20 верст». Было захвачено 240 пленных и отбиты конские стада, угнанные ранее лисовчиками. Значительное число пленных подтверждается другими источниками. Так, 25 мая (4 июня) 1617 г. 216 пленных поляков и литовцев были доставлены в Москву и поставлены на довольствие в Разряде¹⁵⁷. Участники «Дорогобужской службы 7125 г.» получили значительное денежное вознаграждение¹⁵⁸. Помимо этого, многие дворяне и дети боярские получили прибавки к своим окладам. Одних только четвертчиков в их числе было больше сотни.

Победа под Дорогобужем стала последним успехом русской армии. Сулешов, опасаясь последующих атак, отступил, оставив в Дорогобуже и Вязьме усиленные гарнизоны. Этим немедленно воспользовались

польско-литовские войска, тут же осадив Дорогобуж. Русская армия окончательно отказалась от активных действий.

Отступление армии Сулешова знаменовало собой окончание борьбы за Смоленск. Теперь перед командованием русской армии встала новая, оборонительная задача — не допустить врага к столице.

Итоги

Подводя итоги длившейся несколько лет попытке Русского государства вернуть Смоленск, следует отметить, что завершилась она вполне предсказуемо, учитывая реальное соотношение сил противостоящих сторон — как политическое, так и экономическое.

Поход на Смоленск изначально был своеобразной «авантюрой», больше рассчитанной на неожиданный эффект *«божием соизволием и государевым счастьем»*. Как показал опыт осад, и предыдущих, и последующих, для взятия Смоленска было необходимо сочетание трёх условий. Во-первых, наличия мощной осадной артиллерии, способной обеспечить огневое превосходство над осажденными и разрушить часть стен и башен. Во-вторых, наличия необходимого числа осадных войск (как боевых, так и вспомогательных) для установления непроницаемой осады крепости и проведения массированных штурмов. Наконец, размеры осадной армии должны были на весь период осады гарантировать преимущество над полевыми войсками противника, способными снять осаду или доставить в крепость подкрепление и припасы.

Отсутствие хотя бы одного условия ставило успех всей операции под сомнение. Нетрудно заметить, что в 1613–1617 гг. не было выполнено ни одно из указанных выше условий. На победу можно было рассчитывать лишь в случае быстрой капитуляции или бегства деморализованного противника. Надежду вселял неожиданный успех при взятии Белой, где готовый сопротивляться литовский гарнизон был нейтрализован изменой немецких наёмников. Это само по себе было большой удачей, так как шанс захвата Белой, учитывая её активное сопротивление, был невелик. Но запас везения русского командования закончился, и, вопреки обнадеживающим сообщениям лазутчиков, сравнительно небольшой гарнизон Смоленска проявил упорство, похоронив расчеты на быструю победу.

Нельзя не отметить и успешные действия полевых войск противника. В сложных условиях литовские войска смогли обеспечить крепость припасами и подкреплениями, а затем и снять осаду. Сделано это было во многом благодаря успешному использованию своих преимуществ. Литовские командиры умело применяли маневр крупными отрядами. В конце 1614 г. активные действия Сапеги позволили избежать падения крепости, два года спустя прорыв Гонсевского в Твердилицы фактически завершил осаду крепости. Противник смело продвигался в тыл русским отрядам, будучи уверенным, что в более-менее крупном полевом сражении ему скорее будет сопутствовать успех.

Тем не менее, упрекать политическое и военное руководство России не в чем. В 1613 г. сложилась уникальная ситуация, когда противник из-за образования нескольких конфедераций лишился своего численного превосходства. Большая часть польско-литовских войск просто покинула пределы Русского государства. Боевой дух русских войск был, напротив, очень высоким после успехов в боях под Москвой. Предпринятые правительством экстренные меры позволили собрать сравнительно крупную группировку.

Отказ от контрастступления в этих условиях стал бы явной ошибкой. Конфедерации в стане противника рано или поздно были бы ликвидированы, и государство вновь оказалось перед угрозой вторжения сильной армии во главе с *«законным царем Владиславом»*. Что, собственно, и произошло в 1617 г., но уже в совершенно иных, гораздо более благоприятных условиях.

Ключевой ошибкой правительства было разделение сил на два операционных направления, против двух могучих противников одновременно. В то время как Трубецкой под Смоленском испытывал нехватку надёжных дворянских сотен, значительная их часть была направлена в бесславно завершившийся поход на Новгород. Итог «гонки за двумя зайцами» оказался предсказуемым — ни одна из целей не была достигнута, что предопределило будущие большие территориальные потери Русского государства по итогам Смуты, восполнять которые пришлось более ста лет.

ССЫЛКИ

- ¹ Курбатов О.А. Тихвинское осадное сидение 1613 г. — М., 2006. — С. 15–17.
- ² Новосельский А.А. Борьба Московского государства с татарами в первой половине XVII века. — М., Л., 1948. — С. 75
- ³ Разрядные книги 1598–1638 гг. — М., 1974. — С. 244–245.
- ⁴ О причинах и подробностях конфедерации: Маскевич С. Дневник 1594–1621 // Сказания современников о Дмитрие Самозванце. — СПб., 1859. — Т. 1. — С. 80–91.
- ⁵ Археографический сборник документов, относящихся к истории Северо-Западной Руси. — Вильно, 1867. — Т. 4. — С. 314–316.
- ⁶ Сагановіч Г. ВКЛ і вайсковыя канфедэрацыі 1612–1614 г. // Беларускі Гістарычны Агляд — 2008. — Т. 15. — С. 103.
- ⁷ Бохун Т. Как гетман Ходкевич проиграл под Москвой в 1612 г. // Единорог. Материалы по военной истории Восточной Европы эпохи Средних веков и Раннего Нового времени. — М., 2011. — Вып. 2. — С. 16.
- ⁸ Сагановіч Г. ВКЛ і вайсковыя канфедэрацыі... — С. 107.
- ⁹ Tyszkowski K. Wojna o Smolensk 1613–1615. — Lwow, 1632. — S. 55–56.
- ¹⁰ Османская империя и страны Центральной, Восточной и Юго-Восточной Европы в XVII в. — М., 1998. — С. 58.
- ¹¹ Памятники дипломатических сношений... — С. 410–413.
- ¹² Смирнов Н.В. Боевые холопы в составе поместной конницы во второй половине XVI — первой половине XVII вв. // Исследования по истории средневековой Руси. Сборник статей к 80-летию Ю. Г. Алексева. — М., СПб., 2006. — С. 369–382.

¹³ Курбатов О. А. «Копейный бой» русской поместной конницы в эпоху Ливонской войны и Смутного времени [Электронный ресурс] // История военного дела: исследования и источники. — 2013. — Специальный выпуск. I. Русская армия в эпоху царя Ивана IV Грозного: материалы научной дискуссии к 455-летию начала Ливонской войны. — Ч. I. Статьи. — Вып. II. — С. 227–235 <http://www.milhist.info/2013/04/23/kyrbatov_2> (23.04.2013); Курбатов О. А. Военная история Смуты начала XVII века. — М., 2014. — С. 181–183.

¹⁴ Смирнов Н. В. Защитное снаряжение поместной конницы в первой половине XVII века (по данным десятен). // Война и оружие. Новые исследования и материалы. Труды Третьей международной научно-практической конференции. 16–18 мая 2012 г. Часть III. — СПб, 2012. — С. 235–240.

¹⁵ Романов М. Ю. Стрельцы московские. — М., 2004. — С. 37–40.

¹⁶ Станиславский А. Л. Гражданская война в России XVII в.: Казачество на переломе истории. — М., 1990. — С. 25–26.

¹⁷ Лобин А. Н. Битва под Оршей 8 сентября 1514 г. — СПб., 2011. — С. 157–161

¹⁸ Янушкевич А. Н. Ливонская война. Вильно против Москвы. 1558–1570. — М., 2013. — С. 167–200.

¹⁹ Бибиков Г. Н. Опыт военной реформы 1609–11 гг. // Исторические записки. — 1946. — Т. 19. — С. 3–16.

²⁰ Пшэпюрка А. Г. Дзеянні войскаў ВКЛ пад Смаленскам у 1614 г. // Беларускі Гістарычны Агляд. — 2008. — Т. 15. — С. 137–138.

²¹ Tyszkowski K. Wojna o Smolensk... — S. 73.

²² Памятники дипломатических сношений... — С. 409.

²³ Tyszkowski K. Wojna o Smolensk... — S. 73–74.

²⁴ Пшэпюрка А. Г. Дзеянні войскаў ВКЛ... — С. 126–127.

²⁵ Поход Владислава в Россию, в 1617 и 1618 г. // Подлинные свидетельства о взаимных отношениях России и Польши преимущественно во время самозванцев. — 1834. — С. 11.

²⁶ Возможно, именно начало конфедерации «смолян» и стала причиной быстрой смерти Потоцкого (см. Tyszkowski K. Wojna o Smolensk... — S. 72.).

²⁷ Пшэпюрка А. Г. Дзеянні войскаў ВКЛ... — С. 136–141.

²⁸ Там же. — С. 141.

²⁹ Wisner H. Lisowczycy. — Warszawa, 1976. — S. 42.

³⁰ Пшэпюрка А. Г. Дзеляні войскаў ВКЛ... — С. 129.

³¹ Состав приведён по: Пшэпюрка А. Г. Дзеляні войскаў ВКЛ... — С. 130. Численность большей части хоругвей приведён на середину 1612 г.

³² Разрядные книги 1598–1638 гг... — С. 254–256.

³³ Роспись русского войска, посланного против самозванца в 1604 г. // Станиславский А. Л. Труды по истории Государева двора в России XVI–XVII веков. — М., 2004. — С. 366–420.

³⁴ Разрядные книги 1598–1638 гг... — С. 261–263. Всего в походе на Новгород должны были принять участие 3224 человека дворян и детей боярских и 300 московских чинов. Причём это были в основном представители Замосковных служилых городов, которые на протяжении Смуты являлись опорой центральной власти в противовес дворянству украинских уездов.

³⁵ Разрядные книги 1598–1638 гг... — С. 256.

³⁶ Там же. — С. 256; Приходно-расходная книга Разряда 7123 г. // Русская историческая библиотека, издаваемая Археографической комиссией — Т. 28. — Стб. 315–318, 320.

³⁷ Там же. — Стб. 284, 320–321.

³⁸ Смутное время Московского государства 1604–1613 гг. Выпуск 5. Акты подмосковных ополчений и Земского собора 1611–1613 гг. — М., 1911. — С. 130.

³⁹ Разрядная книга 1475–1605 гг. — М., 1982. — Том II. — Часть III. — С. 465–466.

⁴⁰ Приходно-расходная книга Нижегородской четверти 7123 г. // Русская историческая библиотека, издаваемая Археографической комиссией. — Т. 28. — Стб. 261–262, 272.

⁴¹ Сборник Императорского русского исторического общества. — Т. 142. — С. 428.

⁴² Разрядные книги 1598–1638 гг... — С. 251; Дворцовые разряды, по высочайшему повелению изданные II-м отделением Собственной Его Императорского Величества канцелярии. — СПб., 1850. — Т. 1 (далее — ДР). — Стб. 95.

⁴³ Разрядные книги 1598–1638 гг...; ДР. — Стб. 101.

⁴⁴ Разрядные книги 1598–1638 гг... — С. 253; ДР. — Стб. 102.

⁴⁵ Книга сеунчей 1613–1619. Документы Разрядного приказа о походе А. Лисовского (осень-зима 1615 г.) // Памятники истории Восточной Европы. — Москва-Варшава, 1995. — Т. I. — С. 21.

⁴⁶ Новый летописец // Полное собрание русских летописей. — М., 2000. — Т. 14. — С. 131.

⁴⁷ ДР. — Стб. 103.

⁴⁸ Книга сеунчей... — С. 21.

⁴⁹ Tyszkowski K. Wojna o Smolensk... — S. 77.

⁵⁰ Разрядные книги 1598–1638 гг... — С. 253; ДР. — Стб. 103; Новый летописец... — Т. 14.

⁵¹ Книга сеунчей... — С. 20–21.

⁵² ДР. — Стб. 104.

⁵³ Tyszkowski K. Wojna o Smolensk... — S. 79.

⁵⁴ Новый летописец... — С. 134.

⁵⁵ Приходно-расходная книга Разряда 7132 г... — Стб. 380.

⁵⁶ Акты Московского государства — Т. I. (далее — АМГ) — № 62. — С. 99.

⁵⁷ АМГ... — № 93. — С. 131.

⁵⁸ Акты исторические, собранные и изданные археографической комиссией (далее — АИ). — Т. 3. — С. 3.

⁵⁹ Книга сеунчей... — С. 21–22; Tyszkowski K. Wojna o Smolensk... — S. 77–78.

⁶⁰ АМГ... С. 131; Приходно-расходная книга Разряда 7132 г... — Стб. 420.

⁶¹ Приходно-расходная книга Разряда 7132 г... — Стб. 380.

⁶² Tyszkowski K. Wojna o Smolensk... — S. 77.

⁶³ АМГ... — С. 99.

⁶⁴ Новый летописец... — С. 134–135.

⁶⁵ Пшэпюрка А. Г. Дзаяннi войскаў ВКЛ... — С. 152.

⁶⁶ Там же.

⁶⁷ Там же.

⁶⁸ Tyszkowski K. Wojna o Smolensk... — S. 130.

⁶⁹ Разрядные книги 1598–1638 гг... — С. 256–257.

⁷⁰ ДР. — Стб. 128.

⁷¹ Разрядные книги 1598–1638 гг... — С. 259; ДР. — Стб. 141.

⁷² Разрядные книги 1598–1638 гг... — С. 260.

⁷³ Пшэпюрка А. Г. Дзеянні войскаў ВКЛ... — С. 153–154.

⁷⁴ Приходно-расходная книга Разряда 7123 г... — Стб.474;
Tyszkowski K. Wojna o Smolensk... — S. 132–133.

⁷⁵ АМГ... — С. 99.

⁷⁶ Там же.

⁷⁷ Там же. — С. 119.

⁷⁸ Там же. — С. 120.

⁷⁹ Там же. — С. 126.

⁸⁰ Там же. — С. 121.

⁸¹ Выделенные курсивом соединения изначально не принимали участие в походе и, возможно, присоединились к армии позднее. Многие ротмистры хоругвей (например, Я.К. и И. Ходкевичи, Л. Сапега, М. Глебович, Я. Кишка) были лишь номинальными командирами и в боевых действиях участия не принимали. Вместо них хоругвями командовали поручики.

⁸² В русских документах И. Ходкевич, долгое время занимавший должность виленского каштеляна, именуется как «пан Виленский».

⁸³ Пшэпюрка А. Г. Дзеянні войскаў ВКЛ... — С. 140–141; АМГ. — Т. 1. — С. 122–123.

⁸⁴ АМГ... — С. 122.

⁸⁵ Приходно-расходные книги Разряда 7123 г... — Стб. 378.

⁸⁶ Книга сеунчей... — С. 26.

⁸⁷ Приходно-расходная книга Разряда 7132 г... — Стб. 380.

⁸⁸ Книга сеунчей... — С. 27.

⁸⁹ Пшэпюрка А. Г. Дзеянні войскаў ВКЛ... — С. 142–143.

⁹⁰ Приходно-расходные книги Разряда 7123 г... — Стб. 378, 380.

⁹¹ Новый летописец... — С. 134–135.

⁹² Зорин А. В. Александр Юзеф Лисовский: герой Смутного времени [Электронный ресурс] // История военного дела: исследования и источники. — 2012. — Т. III. — С. 109–110. <<http://www.milhist.info/2012/10/26/zorin>> (26.10.2012).

⁹³ Пшэпюрка А. Г. Дзеянні войскаў ВКЛ... — С. 142–143.

⁹⁴ Новый летописец... — С. 132.

⁹⁵ Приходно-расходные книги Разряда 7123 г... — Стб. 415, 478.

⁹⁶ АМГ... — С. 131.

⁹⁷ Пшэпюрка А. Г. Дзеянні войскаў ВКЛ... — С. 145.

⁹⁸ Там же. — С. 146.

⁹⁹ Tyszkowski K. Wojna o Smolensk... — S. 142–143.

¹⁰⁰ Пшэпюрка А. Г. Дзеянні войскаў ВКЛ... — С. 145–146.

¹⁰¹ Приходно-расходные книги Разряда 7123 г... — Стб. 484.

¹⁰² Tyszkowski K. Wojna o Smolensk... — S. 143.

¹⁰³ Сборник Императорского русского исторического общества. — Т. 142. (далее — Сборник РИО) — С. 556.

¹⁰⁴ Там же. — С. 573.

¹⁰⁵ Там же. — С. 587.

¹⁰⁶ Там же. — С. 610–612.

¹⁰⁷ Там же. — С. 657.

¹⁰⁸ Книги разрядные, по официальным оных спискам, изданные с высочайшего соизволения II-м отделением Собственной Его Императорского Величества канцелярии. — СПб, 1853. — Т. I. (далее — КР) — С. 89–90.

¹⁰⁹ Сборник РИО... — С. 670.

¹¹⁰ Там же. — С. 676.

¹¹¹ Tyszkowski K. Wojna o Smolensk... — S. 146.

¹¹² Сборник РИО... — С. 604.

¹¹³ Tyszkowski K. Wojna o Smolensk... — S. 145.

¹¹⁴ Там же. — S. 146.

¹¹⁵ Сборник РИО... — С. 596.

¹¹⁶ Там же. — С. 640–642.

¹¹⁷ Там же. — С. 650.

¹¹⁸ Зорин А. В. Великий рейд Александра Лисовского (март-декабрь 1615 г.) // Русский сборник. — Брянск, 2009. — Вып. 5. — С. 224.

¹¹⁹ Один из родных братьев князя И. А. Хованского также носил имя Иван, поэтому для отличия в документах они часто писались с дополнениями «Большой» и «Меньшой». В истории России более известен ещё один Иван Андреевич Хованский («Тараруй») — военный и политический деятель второй половины XVII века, приходившийся Ивану «Большому» Хованскому родным племянником.

¹²⁰ О военной деятельности М. А. Вельяминова см.: Народное движение в России в эпоху Смуты начала XVII века. 1601–1608. Сборник документов. — М., 2003. — С. 338–342.

¹²¹ Книга сеунчей... — С. 36–37.

¹²² Сухотин Л. М. Четвертчики Смутного времени (1604–1617 гг.) // Смутное время Московского государства... — С. 298.

¹²³ КР... — С. 91–94.

¹²⁴ Приходно-расходная книга золотых и золоченых денег в Розряде 7121–7127 гг. // Русская историческая библиотека, издаваемая Археологической комиссией. — Т. 28. — Стб. 785–786.

¹²⁵ Книга сеунчей... — С. 40.

¹²⁶ Приходно-расходная книга золотых и золоченых денег... — Стб. 787–788.

¹²⁷ Книга ... — С. 41–42.

¹²⁸ КР... — Стб. 91.

¹²⁹ Книга сеунчей... — С. 44.

¹³⁰ КР... — Стб. 91, 94.

¹³¹ Новый летописец... — С. 140.

¹³² Российский Государственный Архив Древних Актов (далее — РГАДА) Ф. 210. Оп. 9. Столбцы Московского стола. № 9. Л. 4–6.

¹³³ Книга сеунчей... — С. 48

¹³⁴ ДР. — Стб. 255; Книга сеунчей... — С. 48.

¹³⁵ ДР. — Стб. 255.

¹³⁶ РГАДА. Ф. 210. Оп. 9. Столбцы Московского стола. № 9. Л. 3.

¹³⁷ ДР. — Стб. 254.

¹³⁸ Поход Владислава в Россию... — С. 5.

¹³⁹ АИ. — Т. 3. — С. 67–68.

¹⁴⁰ Majewski A. A. Moskwa, 1617–18. — Warszawa, 2006. — S. 86–87.

¹⁴¹ КР... — С. 228–229.

¹⁴² КР... — С. 176, 222–224.

¹⁴³ РГАДА. Ф. 210. Оп. 9. Столбцы Московского стола. № 9. Л. 10–13.

¹⁴⁴ КР... — Стб. 231–232.

¹⁴⁵ РГАДА. Ф. 210. Оп. 9. Столбцы Московского стола. № 9. Л. 15.

¹⁴⁶ Приходно-расходная книга золотых и золоченых денег... — Стб. 793; КР. — Т. 1. — Стб. 236; Книга сеунчей... — С. 55–56.

¹⁴⁷ Приходно-расходная книга Разряда 7125 г... — Стб. 564.

¹⁴⁸ ДР. — Стб. 262–263.

¹⁴⁹ Книга сеунчей... — С. 57.

¹⁵⁰ Приходно-расходная книга Разряда 7125 г... — Стб. 576.

¹⁵¹ Новый летописец... — С. 140

¹⁵² КР... — Стб. 240.

¹⁵³ Всем дворянам и детям боярским, «...которые были на государственной службе под Смоленском... доотходу, голод и нужду терпели», было выплачено по 10 рублей. (Приходно-расходная книга Разряда 7125 г... — Стб. 597–620).

¹⁵⁴ Новый летописец... — С. 141.

¹⁵⁵ Там же. — С. 140–141.

¹⁵⁶ Книга сеунчей... — С. 59.

¹⁵⁷ Приходно-расходная книга Разряда 7125 г... — Стб. 591.

¹⁵⁸ Приходно-расходная книга золотых и золоченых денег... — Стб. 794; КР. — Т. 1. — Стб. 240.